

Инна Инфинити

Им
possible

Современный любовный роман

Инна Инфинити
Мы (не)возможны

«Литнет»

2025

Инфинити И.

Мы (не)возможны / И. Инфинити — «Литнет», 2025

— Герман, познакомься, это моя дочь Вероника. Ты видел ее, когда ей было лет десять, но уже вряд ли помнишь, — посмеивается Кунгурцев. — Сейчас Веронике двадцать два. Она приехала из Санкт-Петербурга. Теперь будет жить в Москве. Я прирастаю к одной точке, глядя на девушку прямо перед собой. Ее светлые волосы собраны в высокую прическу, а глаза невинно хлопают, словно видят меня первый раз. — Здравствуйте, Герман, — робко улыбается. — Приятно познакомиться. — Значит, Вероника, — хмыкнув, делаю акцент на имени. Мне она представилась Асей. — Тоже очень приятно познакомиться, — цежу сквозь зубы. Даже не знаю, что меня злит больше всего. То, что она дочь моего партнера по бизнесу? Или то, что совсем недавно я лишил ее невинности и творил с ней такое, отчего ее отца хватит сердечный приступ? А она сначала представилась вымышленным именем, а теперь делает вид, будто видит меня впервые. Бесплатная предыстория

Содержание

Глава 1. Ужин	5
Глава 2. Ошибка	9
Глава 3. Личный секретарь	11
Глава 4. Актриса	13
Глава 5. Не собираюсь бегать	15
Глава 6. Рабочий день	17
Глава 7. Коста	20
Глава 8. Надеюсь, сработаемся	23
Глава 9. Обед-ужин	25
Глава 10. Откровения	27
Глава 11. Энергетика	29
Глава 12. Я не делаю вид	31
Глава 13. Приглашаю тебя	33
Глава 14. Вопрос	35
Глава 15. Счастливый брак	37
Глава 16. Традиция	40
Глава 17. День сурка	42
Глава 18. Корпоратив	46
Глава 19. Ревнует	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1. Ужин

Герман

— Герман, познакомься, это моя дочь Вероника. Ты видел ее, когда ей было лет десять, но уже вряд ли помнишь, — посмеивается Кунгурцев. — Сейчас Веронике двадцать два. Она приехала из Санкт-Петербурга. Теперь будет жить в Москве.

Я прирастаю к одной точке, глядя на девушку прямо перед собой. Ее светлые волосы собраны в высокую прическу, скромное черное платье обрамляет стройную фигуру, а глаза невинно хлопают, словно видят меня первый раз.

— Здравствуйте, Герман, — робко улыбается. — Приятно познакомиться.

Я таращусь во все глаза на девушку, которую Кунгурцев представил мне своей дочерью, и чувствую, как у меня из-под ног земля уходит. Ее чёрные пушистые реснички, подведенные аккуратными стрелками, порхают словно птички. Пухлые губы с бледно-розовой помадой сложены аккуратным бантиком. А лицо с фарфоровой кожей — сама невинность.

Вот только я очень хорошо помню, как кончал на это личико и эти губки бантиком. Как эта девушка в скромном платье сосала мой член и стонала. И помню, как лишил ее девственности.

Она представилась мне вымышленным именем и сказала, что хочет стать моей содержанкой. А наутро исчезла, не взяв деньги за ночь.

— Значит, Вероника, — хмыкнув, делаю акцент на имени. Мне она представилась Асей. — Тоже очень приятно познакомиться, — цежу сквозь зубы.

Даже не знаю, что меня злит больше всего. То, что она дочь моего партнера по бизнесу? Или то, что совсем недавно я лишил ее невинности и творил с ней такое, отчего ее отца хватит сердечный приступ? А она теперь делает вид, что видит меня впервые.

— Вероника и есть тот маркетолог, которого я нанял к нам на работу, — безмятежно продолжает Кунгурцев, пока я тихо охуюваю.

Ебануться просто.

— Что ж, давайте все к столу! — восклицает жена Кунгурцева. — Ужин остывает.

Вероника первой разворачивается на шпильках и спешит за стол. Я сажусь на свое привычное место, и оно оказывается ровно напротив Ники. По правую руку от меня садится Лена, моя бывшая жена. Получается, она приходится Веронике старшей сестрой. Сводной, правда. Но все же.

Пиздец.

Я трахал младшую сестру своей бывшей жены.

Мне хочется схватиться за голову прямо сейчас за столом на глазах у всех. Может, это розыгрыш? Или Вероника — не та содержанка, которую я трахал всю ночь на прошлой неделе? Может, она просто похожа на ту Асю?

Поднимаю глаза на дочку Кунгурцева. Она с полным спокойствием накладывает себе в тарелку салат. Что-то говорит жене Кунгурцева, своей мачехе. Затем отвечает на вопрос отца. И наконец переводит взор на меня. Наши взгляды встречаются, и я чувствую, как наступает мой личный конец света.

Моя бывшая жена Лена что-то говорит, и все смеются. Все, кроме меня. Потому что я слушаю смех Вероники и на машине времени отправляюсь в прошлое, на двенадцать лет назад.

Десятилетняя девочка с двумя светлыми косичками и большими голубыми глазами принимает от меня в подарок куклу и смеется.

— Герман, но у меня же есть такая!

— Да? — удивляюсь. — Я не знал.

— Пойдем покажу.

Она хватает меня за руку и тянет за собой на второй этаж в свою розовую комнату.

— Вот, смотри, — хватает с кровати идентичную куклу.

— Оу, прости. Я правда не знал.

— Ничего страшного, — она бросает свою куклу в мусорную корзину под письменным столом, заваленным школьными учебниками.

— Ника, зачем ты выбросила куклу?

— Ты подарил мне новую, так что эта старая мне больше не нужна. Я теперь буду спать с твоей куклой, — в подтверждение своих слов Вероника прижимает игрушку к груди.

— Герман, ты где? — доносится из коридора голос моей девушки Лены. — Я готова, можем ехать.

— Я у Вероники, — отвечаю громко.

Через пару секунд Лена входит в комнату Ники.

— Боже, у меня в глазах рябит от этого розового безобразия, — морщится. Подходит ко мне, берет меня под руку. — Пока, Ника. У нас с Германом сегодня свидание вне дома.

Улыбка с лица Вероники медленно сползает. Я чувствую укол жалости к девочке. Ее мать умерла два года назад, отец повторно женился на матери Лены. Я не интересуюсь подробностями, но и так очевидно, что до маленькой Вероники никому нет дела. Девочка брошена. А дети не должны быть брошенными.

— Герман, пойдем! — Лена требовательно тянет меня за руку.

Я подмигиваю Нике на прощанье.

— Еще увидимся, — обещаю.

Выходя из комнаты Вероники, замечаю в ее глазах слезы.

В машине я спрашиваю Лену:

— Может, надо было взять Нику с нами? Все равно у нас нет никаких особых планов. Погуляли бы с ней по парку. Погода хорошая.

Лена изумленно поворачивается ко мне.

— С ума сошел? На фиг она нам нужна?

От грубого тона моей девушки я слегка теряюсь.

— Она же просто ребенок.

— Просто ребенок, а так бесит, ты просто не представляешь! Вечно у нее такое страдальческое лицо, как будто кто-то умер.

— Ну, вообще-то, так и есть. У нее умерла мама.

— И что? Почему я постоянно должна наблюдать дома кислую мину?

Я в таком шоке от слов Лены, что аж не нахожусь, что сказать. Если раньше я замечал от своей девушки безразличие в адрес младшей сводной сестры, то сейчас наблюдаю открытую неприязнь.

— Лена, ты не права, — строго говорю.

Моя девушка вздыхает. Затем переводит на меня лукавый взгляд. Что-то задумала.

— Если бы с нами в машине сейчас сидела Вероника, то я не смогла бы сделать тебе минет.

И я опомниться не успеваю, как Лена отстегивает ремень безопасности и склоняется к моему паху. Через десять секунд я забываю о брошенном ребенке и едва справляюсь с тем, чтобы следить за дорогой.

А потом Вероника уезжает жить к своей бабушке в другой город, и я напрочь забываю о ее существовании.

Ужин проходит как в тумане. У меня нет аппетита, приходится запихивать в себя еду, чтобы бывшая теща не обиделась. Ну и чтобы я не выглядел слишком подозрительно. Потому что Вероника-то уплетает за обе щеки и даже глазом не ведет.

Разговор за столом идет на нейтральные темы. Я знаю, Кунгурцеву не терпится обсудить дела, но его жена не терпит за столом разговоров о работе. Поэтому мы сначала обсуждаем новинки кино, затем сравниваем, где отдых лучше: в Греции или в Испании. Напоследок беседа выкруливает на тему недвижимости: цены на вторичку упали, а на новостройки сильно выросли.

Разговаривают в основном Лена, ее мама и Вероника. Кунгурцеву нечего сказать ни о кино, ни об отпуске, ни о квартирах. Он всем этим мало интересуется. А я молчу, потому что продолжаю пребывать в шоке.

В голове миллион вопросов. Почему Вероника не сказала мне при «знакомстве» в ресторане, кто она на самом деле? Она знала, кто я? Ну конечно, знала. Я ведь представился ей настоящим именем, а не вымышленным. Но главный вопрос — зачем Вероника разыграла тот спектакль?

Что, блядь, происходит???

Я уже готов поверить, что Кунгурцев что-то задумал против меня, но не настолько же он чокнутый, чтобы подкладывать под меня свою дочку? Хотя кто знает, что происходит в его башке. Иногда мне кажется, что он прокурил последние мозги.

— А теперь нам надо поговорить о делах, — торжественно объявляет Валерий Валерьевич, отодвигая от себя тарелку. — Герман, Вероника, ко мне в кабинет.

— А как же десерт? — расстраивается бывшая теща.

— Потом десерт.

Кунгурцев с громким скрежетом отодвигает стул. Вероника встает следом за ним. Я тоже поднимаюсь на ноги. Молча мы направляемся в кабинет Валерия Валерьевича. Там Ника садится на кожаный диван, а я на кресло. Кунгурцев занимает второе.

— Итак, Герман, как я уже сказал, моя дочь Вероника будет работать у нас маркетологом. Первое, чем она займется, — это подготовка стратегии по выходу на новые зарубежные рынки.

Я снова смотрю на Нику. Она сидит как отличница: ноги вместе, руки на коленках, спина идеально выпрямлена, взор опущен в пол. Вот теперь я узнаю в ней ту десятилетнюю девочку, которой дарил куклы.

Боже, как я мог не узнать ее при встрече??? Она ведь показалась мне чем-то знакомой.

— У Вероники блестящее образование, — продолжает Кунгурцев. — Как ты помнишь, в двенадцать лет она переехала жить в Санкт-Петербург к бабушке. Там Ника училась в элитном лицее и окончила его экстерном в шестнадцать лет. Затем поступила в вуз на факультет маркетинга. У нее была программа двойного диплома. Первые два года Ника училась в Питере, а следующие два года во Франции. Также в магистратуре: год в Питере и год во Франции. Вероника проходила стажировки в крупных французских компаниях. Она свободно говорит на трех языках: французском, английском и китайском...

Кунгурцев продолжает распинаться об успехах дочери, пока она скромно потупила взгляд. Меня рвет в клочья. Я не могу простить себе, что не узнал ее при встрече. Я не могу простить себе, что трахал ее.

Блядь, да это был чуть ли не лучший секс в моей жизни.

Сука, как я мог!?

И главное — почему она меня одурачила? Ей-то это все зачем было?

Я отвечаю что-то на автомате, просто чтобы побыстрее завершить разговор. У Вероники звонит телефон.

— Ой, это бабушка, — вскакивает с дивана и спешит на выход.

Кунгурцев достает третью сигарету.

— Меня сейчас стошнит, — говорю ему как есть и выхожу следом за Вероникой.

Ее шаги слышны по лестнице вверх. Я устремляюсь за ней. Под взгляды бывшей жены и тещи пробегаю мимо кухни. Лечу по ступенькам вверх, перепрыгивая через одну. Ника, конечно, слышит мои шаги у себя за спиной. Она бежит в свою комнату. Ее телефон продол-

жает петь. Не принимает вызов от бабушки. Вероника распахивает дверь в свою детскую комнату и хочет захлопнуть ее у меня перед носом, но я успеваю подставить ногу.

— Не так быстро, Ника, — рычу. — Или мне называть тебя Асей?

Она испуганно отступает назад. Наконец-то я вижу на ее лице неподдельные эмоции. Хорошая актриса, однако. Одурачила меня неделю назад, когда запрыгнула ко мне в койку. Притворялась невинной овечкой весь сегодняшний вечер. Но сейчас я наконец-то вижу на ее красивом фарфоровом личике страх.

Я захлопываю дверь в комнату и поворачиваю замок. Вероника вжалась в письменный стол. На нем лежит та самая кукла.

Блядь. Меня кроет.

Делаю к Нике несколько шагов и нависаю сверху. Между нами сверкают искры. Я сжимаю ладонью лицо девчонки и... впиваюсь в ее губы.

Приветствую всех в продолжении романа Германа и Вероники. Для новеньких — у книги есть бесплатная предыстория "Нам нельзя". Если есть желание, можно прочитать ее, но это не обязательно) Это основная книга, в которой будут развиваться главные события.

Глава 2. Ошибка

Вероника

Я ожидала от Германа чего угодно. Злости, претензий, скандала. Даже угроз и шантажа. Но чего я точно никак не ожидала, так это того, что он вопьется в мой рот жадным диким поцелуем. Герман пьет меня, как вампир. До боли кусает губы. Сжимает подбородок так сильно, что может остаться синяк.

И внезапно все прекращает.

Резко отходит на несколько шагов, испепеляет меня взглядом. Я абсолютно потеряна и обезоружена. Сердце колотится где-то в районе глотки.

— Зачем ты это сделал? — хрипло спрашиваю.

— Хотел убедиться, ты ли это. Ну, мало ли, вдруг все же перепутал.

Что?

— Убедился? — хмыкаю.

— Да. А теперь отвечай, какого хрена ты меня одурачила.

Герман снова надвигается на меня как скала. Его каждый тяжелый шаг отдает глухим эхом в комнате. Я сильнее вжимаюсь в стол, потому что реально боюсь Германа. Таким злым я его еще не видела.

Он останавливается вплотную, нависает сверху. Не прикасается ко мне, но я чувствую себя так, будто в тисках меня сжимает.

— Отвечай, — требует.

Что сказать? «Герман, я люблю тебя с детства»? Так, что ли? Я бы с удовольствием призналась Герману в любви, если бы он не глядел на меня так, как сейчас: враждебно и с черной ненавистью. Признание застревает в горле. Я просто не могу произнести его.

— Я тебя не узнала, — нахожусь с другим ответом.

— Ложь, — чеканит мне в лицо. На каждом вдохе крылья его носа свирепо вздымаются.

— Правда, — сиплю. — Вообще не узнала. Я же не видела тебя кучу лет. Ты серьезно думаешь, что я помню, как выглядит муж Лены? Я и Лену-то еле вспомнила при встрече.

— Допустим, ты тоже могла меня не узнать. Но какого хера ты мне нагородила вранья?

— Ты пригрозил мне полицией. Я испугалась. Папа бы сильно ругался, если бы я угодила в участок.

— Поэтому солгала, что хочешь стать содержанкой? — не верит.

— Ну конечно.

— А настоящая причина какая?

— Что — какая настоящая причина?

— Почему легла под меня? Ты же, блядь, девственницей была.

— Поэтому и легла. Мне двадцать два года, а я до сих пор девственница. У меня комплекс. Надо мной уже все подружки смеются. Я хотела избавиться от этого бремени.

Черт, он не верит. А я не знаю, что еще придумать. Ну, вообще-то, я знаю девушек, которые лишились девственности с первыми встречными. Не по любви, а из любопытства. Моя подруга Лиди, например. Она в восемнадцать лет переспала с парнем, которого знала два дня. После той ночи они больше не виделись. У Лиди ноль сожалений на этот счет.

«Любопытство сгубило больше девственниц, чем любовь», любит говорить подруга.

— Знаешь, любопытство сгубило гораздо больше девственниц, чем любовь, — повторяю Герману любимую фразу Лиди.

Быстро облизываю сухие губы. Хоть бы поверил.

— Допустим. Почему тогда представилась в ресторане вымышленным именем? И солгала, что ты филолог?

— Потому что я не хотела продолжения отношений с тобой. Ты был мне нужен только на одну ночь. Для секса. Я не хотела рассказывать о себе правду первому встречному. Но все же я не во всем тебя обманула. Например, я сказала правду, что приехала из Санкт-Петербурга.

Его черные от ярости глаза сужаются до мелких щелочек. Герман сканирует меня, пытаюсь понять, лгу ли я снова. Нам теперь работать вместе, так что было бы неплохо, чтобы Герман поверил мне. А там посмотрим по ситуации. Понятно, он сейчас в шоке. Я еще исчезла так внезапно. Надо, чтобы Герман успокоился. А потом мы поговорим спокойно и без эмоций.

— Блядь, это просто ебанный пиздец, — резко отходит от меня и хватается за голову. У Германа такой вид, словно он проиграл в карты все свое состояние.

Я наконец-то делаю вдох полной грудью. Когда Герман нависает надо мной, я дышать нормально не могу.

— Как я мог тебя не узнать? — сокрушается.

— Ну, я изменилась, — робко вставляю.

Глядит на меня исподлобья.

— А если бы ты знал, что я та самая Вероника Кунгурцева, между нами бы ничего не произошло?

— Ну конечно, нет! Я бы на пушечный выстрел к тебе не подошел.

— Почему?

— Что почему? Блядь, да ты сестра моей жены!

— Сводная, — поправляю.

— Да по хер. Я тебя маленькой девочкой помню. Я тебе куклы дарил.

— Я выросла.

— Я, блядь, уже заметил это! — Герман хватается двумя пальцами за переносицу, явно пытаюсь сообразить, что дальше делать. — Короче, давай просто сделаем вид, что ничего не было, ладно? Мы оба совершили ошибку, потому что не узнали друг друга. Наверное, в жизни бывают такие случайности, хотя с трудом верится.

Обида затапливает меня с головой. То, что для меня было лучшей ночью в жизни, для Германа оказалось ошибкой.

Глава 3. Личный секретарь

— Вероника, Герман! — звучит из коридора громкий голос мачехи. — Вы где?

За неделю пребывания в доме отца я столько разговоров тети Люды с Леной наслушалась, что поняла: для них обеих вернуть Германа — цель номер один. Как будто он последний мужчина на земле. И если мы будем застуканы в одной комнате, пускай и в противоположных ее концах, это неминуемо вызовет подозрения.

Я первой выхожу в коридор. Мачеха уже поднялась по лестнице.

— Мне звонила бабушка, — демонстрирую мобильный в своей руке.

К слову, бабушка действительно звонила, но я не приняла вызов. Надо будет потом перезвонить.

— А Герман где? — вливается в меня подозрительным взглядом.

— Понятия не имею.

— Просто он пошел на второй этаж следом за тобой.

— Я не видела его.

— Странно, — хмыкает. — Зачем ему понадобилось бежать на второй этаж?

Я не понимаю, как Герман прожил с Леной десять лет. Не понимаю, как он мог нормально общаться и с ней, и с ее матерью. Они же две пиявки. Весь внешний вид тети Люды говорит о том, что она прямо сейчас готова ворваться в мою комнату, чтобы проверить, не там ли Герман, и уличить меня во лжи.

— Может, срочно в туалет захотел. Вообще, тетя Люда, вам не кажется странным преследовать взрослого мужчину и выяснять, куда и зачем он пошел?

— Я не преследую Германа, — оскорбляется.

— Да? А что вы прямо сейчас делаете?

Мачеха выглядит как вор, пойманный на краже.

— Я всего лишь переживаю, что остывает мой вишневый пирог. Герман его очень любит.

— Я уверена, Герман сильнее оценит ваш пирог, если вы не будете ходить за ним по пятам по всему дому.

Уязвленная тетя Люда нехотя поворачивается к лестнице вместе со мной.

— Что вы обсуждали в кабинете у папы? — переводит тему.

— Мою работу в компании.

— Странно, почему вы Лену с собой не взяли. Она же тоже будет работать в компании.

— Полагаю, папа не считает значимой должность «принеси кофе и выйди».

Тетя Люда вспыхивает. Я боковым зрением замечаю, как она покрывается пятнами. Плевать. Мне не десять лет, я больше не собираюсь быть в этом доме предметом мебели. Это мой дом. И я собираюсь обозначить здесь всем, что главная хозяйка — я.

Мы спускаемся на первый этаж и заходим в кухню. Отец уже здесь, сидит на своем месте. Грязная посуда и основные блюда убраны, теперь во главе стола красуется ароматный вишневый пирог, посыпанный сверху сахарной пудрой. Признаться честно, тетя Люда вкусно готовит. Ну хоть какой-то от нее толк.

Я опускаюсь на свое место, и в кухне сразу появляется Герман. Собранный и деловой. Взял себя в руки. Он садится на стул напротив меня. Подозрительные взгляды мачехи и Лены устремлены на него.

— Папа, а ты не рассказал Герману про еще одно важное кадровое решение в компании, — вставляет Лена.

Встреппенувшись, Герман глядит на моего отца.

— Какое еще кадровое решение? — испуганно. Герману определенно не нравятся кадровые решения моего отца.

Тетя Люда кладет бывшему зятю самой большой кусок пирога.

— А, да, — папа словно только опомнился. — Герман, ты извини, но я твоего секретаря к Нике переведу.

Ленц несколько секунд таращится на папу.

— Не понял.

— Нике нужно очень быстро въехать в курс дела. А твоя секретарша давно у нас работает, все знает. Всем будет проще и легче, если она просветит Нику.

Герман как будто еще не понял, о чем речь.

— А как я буду без секретаря?

— Я нашел тебе нового.

— Кого? — Герман возмущенно повышает голос.

— Меня, — пищит Лена.

Герман поворачивает ошарашенное лицо к бывшей жене. У меня внутри все клокочет от гнева. Эта идиотка теперь постоянно будет мешаться под ногами. А если учитывать, что они с Германом периодически спят после развода, то для меня это только усугубляет ситуацию. Лена намерена во что бы то ни стало вернуть бывшего мужа. И она ни перед чем не остановится.

— Герман, с понедельника я буду твоим личным секретарем. — довольно улыбается Лена. — Ты же не против?

Глава 4. Актриса

Герман меняется в лице на глазах. Кажется, он готов нас всех убить. Меня, наверное, первой.

— Против, — цедит Лене в лицо, затем поворачивается к моему папе. — Я не отдам своего секретаря, — жестко чеканит. — И я попрошу больше не распоряжаться моим личным персоналом без моего ведома.

— Да брось, Гера, это же всего лишь девка, которая подносит кофе. Какая тебе разница, кто будет это делать. Тем более Лена лучше знает твои вкусовые предпочтения.

— Я сказал: нет.

Атмосфера за столом сильно накалилась. Герман мечет молнии, мой папа тоже не любит, когда ему перечат. Глаза мачехи нервно бегают из стороны в сторону. Очевидно, она судорожно соображает, как сгладить конфликт. Лена сидит с кислой миной.

— Давайте не будем ссориться! — задорно восклицает тетя Люда.

— Не будем, — сухо соглашается Герман, — если без моего ведома не будут распоряжаться моим личным персоналом. Я не отдам своего секретаря.

— Гер, — Лена аккуратно кладет ладонь на его руку. Меня током бьет, горло сводит спазмом. Она делает это так, словно они все еще близкие люди. А Герман не скидывает с себя ее ладонь. Позволяет Лене себя касаться. А вот если я до него дотронусь, наверняка откинёт мою руку. — Ни у кого нет цели лишить тебя личного помощника, — начинает сахарным голоском. — Просто мне нужна работа. За год после нашего развода я не смогла никуда устроиться. В тридцать пять лет у меня пустое резюме и нет трудовой книжки. Мне нужна хоть какая-то запись. Хоть что-то. Я подумала, что могла бы недолго поработать твоим секретарем просто для записи в трудовой и строчки в резюме. Вот и все.

Лена говорит спокойно и вкрадчиво. Ее голос звучит тихо, как шелест листьев. И это, мать твою, имеет эффект. Герман смягчается на глазах. Напряжение медленно сходит с его плеч, челюсть расслабляется, глаза добреют.

— Пожалуйста, Гер, — на ее глазах выступают слезы. — Помоги мне.

Я теряю дар речи. У меня сейчас просто отвиснет челюсть. Вот это актриса. Дайте ей кто-нибудь Оскар. Нет, это просто уму непостижимо. Как она это делает? Где она такому научилась?

— Если тебе нужна работа, ты могла обратиться ко мне напрямую, — Герман все еще старается казаться строгим, но уже видно, что Лена его смягчила, и он больше не держит зла.

— Извини, — приподнимает уголки губ в виноватой улыбке. — Я спросила у папы, кем я могла бы поработать в компании. Он сказал, что только твоей секретаршей.

И она еще папу виноватым выставляет! Ну это уже вообще...

— Я не отдам своего секретаря Веронике, — произносит со стальными нотками. — Что касается работы для тебя, то я узнаю у кадров, какие есть вакансии в компании.

Герман хочет отвернуться от Лены обратно к столу, но она усиливает хватку на его руке.

— Просто, Гер, понимаешь, в чем дело... — Лена наигранно мнетя. — У меня высшее экономическое образование, неплохой английский. Ну, ты и сам знаешь. Но компетенций нет. А ты так много рассказывал мне про внешнюю торговлю нашей компании, что я могу написать на эту тему диссертацию. Боюсь, в каких-то других департаментах компании я не справлюсь.

— Хорошо. Я посмотрю вакансии у себя. Вроде бы нам требовался человек с английским для ведения переписки с иностранными клиентами.

— О, это было бы идеально! — Лена расплывается в счастливой улыбке. — Гораздо лучше, чем подносить кофе. Пап, — переводит взгляд на отца, — ты же не против?

Ну конечно, она интересуется для вида. На самом деле ей глубоко по фиг, что думает папа. Отец громко откашливается.

— Ну, я считаю, что Герман мог бы взять тебя обратно на должность законной жены. Но для переписки с клиентами ты тоже сгодишься.

Секундная заминка. Герману не понравились слова папы.

— Ой, как хорошо, что все наконец-то трудоустроены! — мачеха хлопает в ладоши. Получается излишне торжественно. — Ну давайте за пирог уже, а? Для кого я его готовила?

Глава 5. Не собираюсь бегать

Все тут же бросаются есть пирог и нахваливать его. Попытки делать вид, что ничего не произошло, выглядят чересчур наигранно. Лена принимается вспоминать какую-то историю, связанную с этим вишневым пирогом. История тупая, но в конце все делают вид, будто смешная, и начинают хохотать.

С каждой минутой, проведенной за столом, мне становится хуже. Герман игнорирует меня. Причем делает это не подчеркнуто специально, а вполне естественно. Как будто я и правда совершенно ничего для него не значу. Ну какая-то девушка, дочка Кунгурцева. Подумаешь.

Это неприятно. В моей комнате Герман предложил делать вид, что между нами ничего не произошло, и уже успешно следует своему предложению. При этом Лена всячески обхаживает Германа, а он и не возражает. То еще пирога ему подложит в тарелку, то чаю в кружку подольет.

— А почему ты без лимона пьешь?

— А есть лимон?

— Конечно. Секундочку.

Лена встает со стула, подходит к холодильнику, достает лимон, отрезает кусочек и бросает Герману в кружку.

— Спасибо, — благодарит.

Лена в ответ одаривает его улыбкой до ушей.

Сводная сестра раздражает меня до скрежета зубов. Как можно быть такой бесячей? Почему Герман принимает знаки внимания от бывшей жены? Зачем он вообще с ней развелся, если у них такая гармония в коммуникации?

Он легко общается с Леной. Она-то понятно лебезит перед ним, потому что мечтает вернуть. Но и в отношении Германа к Лене заметны хорошие добрые чувства. Он если не любит ее, то, как минимум, очень тепло к ней относится. Я такого еще не встречала. Разведенных друзей у меня, конечно, пока нет в силу их возраста. Но во время учебы в универе я наблюдала много расставаний среди однокурсников. И ничего подобного у них не было. Все расставались врагами с вагоном взаимных обид и претензий.

А Герман и Лена... Мне кажется, они могли и не разводиться. У них замечательные отношения. Теперь понятно, почему они продолжают заниматься сексом. У них, видимо, что-то типа паузы в отношениях.

Я на этом семейном празднике лишняя. Мой телефон снова звонит. Бабушка. Самое время поговорить с ней.

Ничего не говоря, я встаю из-за стола и выхожу из кухни. Кроме папы никто больше не провожает меня взглядом.

— Алло, — поднимаю трубку, идя по ступенькам на второй этаж.

— Никуся, дорогая, как дела? Почему не отвечаешь?

Я закрываюсь в своей комнате. У меня нет секретов от бабушки. Мы с ней очень близки. Но о том, что я спала с Германом, я ей не рассказывала. Не уверена, что она одобрит, а слушать критику я не хочу. Я не жалею о том, что провела с Германом ночь. Мне это было нужно. В первую очередь, чтобы понять, действительно ли я его люблю или это детское увлечение. Прошла неделя, а чувства никуда не исчезли. А жадный поцелуй, которым Герман впился в меня час назад, еще жив на моих губах.

— Извини, у нас семейный ужин.

— Семейный ужин с этими змеюками? — ухмыляется бабушка Валя. — Осторожно, не отравись от их яда.

Тетю Люду и Лену она называет исключительно словосочетанием «две змеюки». Я каждый раз смеюсь.

— Ага. И Герман приехал.

Секундная пауза.

— А он зачем на вашем семейном ужине?

— Я буду работать у папы маркетологом. Ну, я тебе говорила. Папа сегодня сообщил эту новость Герману.

— Он будет твоим начальником?

— Не совсем. Маркетинг в компании курирует другой вице-президент. Я познакомлюсь с ним в понедельник. Но сейчас в первую очередь нужна стратегия по работе на внешних рынках, а внешние рынки курирует Герман. Как минимум, пока я буду готовить стратегию, нам придется коммуницировать. Потом навряд ли.

Бабушка у меня очень современная и словечки типа «маркетинг», «стратегия», «внешние рынки» знает хорошо. Да что там, она всю жизнь проработала в банке, так что знает слова посложнее.

— И что ты думаешь делать? Учитывая, что он теперь в разводе.

Баба Валя хочет спросить, буду ли я пытаться обратить на себя его внимание. Честно — не знаю. Наверное, мне не хотелось бы становиться, как Лена, и вешаться на мужика. Пускай даже я люблю его всю жизнь. Герман четко обозначил: наша ночь была ошибкой. Ну раз так, то я не собираюсь за ним бегать.

— Ничего не собираюсь делать, ба. У них с Леной какой-то странный развод. Мило общаются, флиртуют. Он взял ее к себе на работу. В общем, я не хочу в этом участвовать.

— Ну и правильно. Если ты будешь ему нужна, он знает, где тебя найти.

Бабушка, как обычно, в самое яблочко. Если я буду нужна Герману, он знает, где меня найти.

Мы переходим на другую тему, я спрашиваю бабушку о ее делах и здоровье. Она на пенсии, и без меня ей скучно. Наш план о покупке квартиры в Москве и ее переезде в столицу еще в силе. Если она не передумает. Бабушка не любит Москву.

Закончив разговор, я слышу голоса за окном. Моя комната выходит во двор. Подхожу к окну, а там картина маслом. Герман стоит у своей машины, по всей видимости, готовясь уезжать, а рядом с ним Лена. Она кутается в куртку. Они разговаривают у водительской двери, Лена стоит слишком близко к бывшему мужу. Почти вплотную. Что-то говорит ему, он внимательно слушает. Лена смахивает невидимые пылинки с пальто Германа и следом обнимает. Он секунду стоит, не двигаясь, но в итоге обнимает Лену тоже.

А потом Герман резко поднимает голову вверх и смотрит ровно на меня. Я застигнута врасплох, не ожидала, что он заметит, как я за ними подглядываю. Пока я судорожно соображаю, как поступить — отбежать от окна или остаться стоять на месте, — Лена внезапно целует Германа в губы. Он дергается от неожиданности, но не отталкивает ее.

Продолжая смотреть ровно на меня, Герман отвечает на поцелуй Лены.

Глава 6. Рабочий день

В понедельник я, папа и Лена едем на работу. Сводная сестра нервничает куда больше меня. Для нее это первая работа в жизни. В тридцать пять лет у Лены появится трудовая книжка. Вот это ее жизнь довела...

У нашей компании большой красивый офис в центре Москвы. Восьмизэтажное здание находится на одной из самых оживленных улиц столичного центра. Там внутри современные опен спейсы с окнами от пола до потолка. Как только мы заходим в здание, папа сразу устремляется к лифту и уезжает на свой последний, восьмой этаж. Нам с Леной надо в отдел кадров. Он на втором этаже.

— Добрый день, проходите, — улыбается нам кадровичка.

Она знает, кто мы. Дочери генерального директора. Возможно, ей также известно, что Лена бывшая супруга вице-президента Германа Ленца. К слову, сводная сестра после развода фамилию не поменяла. Она осталась Еленой Ленц.

Кадровичка кладет перед нами массу документов на подпись. Я беру свой трудовой договор, смотрю зарплату. Ровно, как папа обещал. Губы непроизвольно расплываются в радостной улыбке.

Да, есть маркетологи, которые зарабатывают миллионы. Но до такой зарплаты нужно дорасти. Сразу после вуза рассчитывать на ту сумму, которую мне предложил папа, не приходится. Поэтому я очень довольна. Я смогу полностью не зависеть от отца. Быстро соберу деньги на квартиру.

— Такая маленькая зарплата, — недовольно роняет Лена.

Поднимаю на нее глаза.

— Какая?

Лена демонстрирует мне сумму в трудовом договоре. Ну да, маловато.

— Боже, да у меня туфли дороже стоят. Почему у нас в компании такие низкие зарплаты?

— У вас рядовая позиция и нет опыта работы, — вставляет кадровичка. — Это наша обычная зарплата для сотрудников без опыта.

Лена закатывает глаза.

— Как у тебя называется должность? — спрашиваю.

Сводная сестра смотрит в документ.

— Специалист отдела зарубежной корреспонденции.

— Что это? — не понимаю.

— Ну, Герман же говорил, я должна буду вести переписку на английском с иностранными клиентами.

— А, понятно.

Я опускаю лицо в свой договор и принимаюсь ставить подписи на каждой странице.

— А у тебя какая должность?

— Директор департамента маркетинга, — отвечаю, не поднимая на Лену взгляда.

— Ого. Звучит солидно.

Не комментирую. Хочу побыстрее закончить с формальностями и пойти на свое рабочее место. Времени на раскачку нет. Папа ждет от меня быстрых результатов. Герман тоже.

— А зарплата у тебя какая? — не унимается Лена.

Даже не знаю, говорить ли ей правду. Судя по всему, Лена пришла сюда не просто завоевывать обратно Германа, но и зарабатывать деньги. Вот только денег ей почти не дали.

Я не отвечаю, тогда Лена сама тянется к моему трудовому договору и переворачивает его на первую страницу.

— Ого! — восклицает удивленно. — А почему так много?

Я зло выдергиваю свой договор обратно и возвращаю на нужную страницу. Ставлю подпись, переворачиваю на следующую.

— Потому что я высококвалифицированный специалист.

— А я нет, что ли?

Мое терпение на исходе. После семейного ужина вечером в пятницу и Лениного поцелуя с Германом я еле терплю сводную сестру. Меня раздражает в ней абсолютно все: голос, внешний вид, смех. Она кажется мне тупой и неинтересной. Я не понимаю, почему в двадцать три года Герман выбрал именно ее. Вокруг него не было девушек интереснее? Я не понимаю, как он жил с ней столько лет. Я не понимаю, почему он не обрубил отношения с Леной окончательно.

— Ты сюда с какой целью вообще пришла? — мне едва удастся сдерживаться, чтобы не наговорить Лене то, что я о ней думаю.

Сводная сестра мнется. Бросает косой взгляд на кадровичку, которая делает вид, будто сидит в телефоне, а сама очень внимательно нас слушает.

— Ты пришла сюда с определенной целью. Вот и следуй своей цели.

Я опускаю взгляд обратно в трудовой договор и ставлю подпись на новой странице. От Лены исходят негодование и возмущение. Я игнорирую сводную сестру. Быстро проставляю подписи на каждой странице договора, затем подписываю другие документы. Их много.

— Простите, — обращается Лена к кадровичке. — В должностной инструкции написано, что я подчиняюсь начальнику отдела зарубежной корреспонденции.

— Совершенно верно.

— А это кто?

— Тимофей Абрамов. Он придет за вами, когда вы закончите подписывать документы, и проводит вас до рабочего места.

— Подождите, а разве моим непосредственным руководителем будет не Герман Ленц?

— Нет. Герман Сергеевич вице-президент. Он курирует работу департамента, в который входит отдел зарубежной корреспонденции. Между вами и Германом Сергеевичем будут еще несколько руководителей нижнего и среднего звена.

— А я буду общаться с Германом Сергеевичем напрямую?

— Не знаю. Но обычно вице-президенты ведут коммуникацию с директорами департаментов. А вы не директор департамента. Вы просто специалист в одном из отделов, который в свою очередь входит в департамент.

Лена села в лужу. Как мне хочется рассмеяться, но я сдерживаюсь.

— Я закончила, — отодвигаю от себя подписанные документы.

Кадровичка встает с места.

— Хорошо, Вероника Валерьевна. Сейчас за вами придут.

— А кто за мной придет?

— Помощник вице-президента Самсонова.

Фамилия Самсонова мне знакома. Он вице-президент по маркетингу, а также внешним и внутренним коммуникациям. Мой департамент маркетинга будет в его подчинении.

Через несколько минут в отделе кадров появляется приятная молодая девушка. Она называет мое имя, и мы вместе уходим. Лена остается одна. Я уже не уверена, что она подпишет документы о трудоустройстве.

— Виктор Александрович проведет небольшое совещание-знакомство, — поясняет мне девушка. Она представилась Аленой. — Он познакомит вас с руководителями других департаментов, работу которых курирует.

Когда я вхожу в большой просторный кабинет Самсонова, все уже сидят на местах. Все — это Виктор Александрович, на вид примерно ровесник моего папы, а также еще два человека: женщина лет сорока и достаточно молодой мужчина, наверное, лет тридцати. Или даже

двадцати восьми. Слово «мужчина» применимо к нему с натяжкой. Правильнее будет сказать молодой парень.

— Вероника, проходи, присаживайся, — приглашает меня громким басом Виктор Александрович. Он сидит во главе стола. Парень по правую руку от него, женщина по левую. Я занимаю место рядом с женщиной.

— Итак, я представляю вам Веронику Кунгурцеву. Она станет директором недавно появившегося у нас департамента маркетинга.

— Недавно появившегося? — удивляюсь. — Разве раньше в компании не было департамента маркетинга?

— Был департамент маркетинга и коммуникаций, — вставляет молодой парень. Мне кажется, или его голос звучит немного уязвленно?

— Да, — подтверждает Виктор Александрович. — Был департамент маркетинга и коммуникаций, которой возглавлял Артем Соколов, — показывает на парня. — Мы разделили этот департамент. Теперь Артем возглавляет департамент коммуникаций, а ты департамент маркетинга.

Ах вот оно что. Я отобрала у Артема кусок пирога, и он несколько этим недоволен.

— А это Надежда Галкина, — показывает на женщину, — она возглавляет департамент по взаимодействию с органами власти.

Галкина слегка поворачивает ко мне голову и кивает с улыбкой.

— Раньше у меня было два департамента, теперь три, — продолжает Самсонов. — Вероника, у тебя задач много, а времени мало. Еще нужно набрать людей в департамент. Возможно, мы переведем к тебе кого-то от Артема. Первое, чем тебе предстоит заняться, это подготовить стратегию по работе на внешних рынках...

Самсонов рассказывает о моих задачах. Галкиной они до фонаря, а вот Соколов слушает с интересом и то и дело одаривает меня хитренькими улыбками. Меня не покидает ощущение, что он со мной флиртует. У Соколова приятная внешность молодого холостого (судя по отсутствию кольца на пальце) мужчины, который много зарабатывает. Должно быть, поклонниц у него немерено. И он с удовольствием ими пользуется.

Через двадцать минут Виктор Александрович заканчивает совещание-знакомство. Галкина сразу убегает, а Артем внезапно предлагает:

— Вероника, пойдем я покажу тебе твой кабинет? Он, к слову, рядом с моим.

Я прищуриваюсь, пытаюсь понять, ждать ли от Артема подвоха.

— И еще я покажу тебе, где у нас самый вкусный кофе.

— Артем, я напоминаю тебе, что служебные романы у нас в компании крайне не приветствуются, — вставляет Самсонов.

Соколова такой комментарий ничуть не смущает, а вот меня вгоняет в краску.

— Конечно-конечно, Виктор Александрович. Я помню, как гендир уволил Мамаева за то, что тот в лифте при свидетелях шлепнул по попе свою секретаршу.

Ого! Папа увольняет за приставания на рабочем месте? Похвально.

Но Лена вряд ли будет уволена за приставания к Герману.

— Я не собираюсь шлепать Веронику, — добавляет Артем. — Всего лишь угощу ее кофе. Ну и расскажу, что у нас тут и как. Введу в курс дела, так сказать. Зря я, что ли, курировал два года маркетинг.

Самсонов устало вздыхает и садится в кожаное кресло за рабочим столом.

— Идите уже. И поладьте, пожалуйста. Вам придется тесно работать. По крайней мере первое время, пока Вероника въезжает в дела.

Глава 7. Коста

Первым делом Артем ведет меня не к моему кабинету, а в модное кафе на третьем этаже. Пафосное заведение под названием «Коста» арендует у папы площадь, чтобы кормить обедами и поить кофе сотрудников компании. Но цены тут кусаются, поэтому рядовые служащие ходят на обед в столовую на первом этаже. Там значительно дешевле. А в «Косте» собираются сотрудники, должность которых не ниже заместителя директора департамента.

Артем уверенно шагает к столику на двоих у панорамного окна. В зале кроме нас еще два человека: мужчина в костюме, пьющий кофе и разговаривающий по телефону, а также женщина. Она отодвинула от себя пустую тарелку и смотрит в телефон.

Симпатичная молодая официантка кладет перед нами меню.

— Спасибо, Катя, — Артем одаривает ее обворожительной улыбкой.

Белоснежные щеки девушки покрываются легким румянцем. Вот жук этот Артем. Даже официантки под его чарами. Мне некогда водить с Соколовым долгие разговоры, поэтому я ограничиваюсь одним горячим напитком:

— Мне капучино, пожалуйста, и больше ничего.

— Рекомендую попробовать салат с креветками, — советует Артем. — Еще очень вкусные булочки бриошь.

— В другой раз. Сегодня у меня много дел.

— Ну тогда мне тоже только кофе, Катюш. Как обычно.

Меня передергивает. Катя, закусив губу, забирает меню обратно и уходит к барной стойке.

— Не могу не спросить, — Артем впивается в меня взглядом. — Когда Самсонов представил тебя, он назвал твою фамилию — Кунгурцева. Ты случайно не родственница нашему гендиру?

Первый порыв — ответить честно. Но я успеваю прикусить язык. Следует ли всем подряд знать, чья я дочь? Когда Самсонов знакомил меня с Артемом и Надеждой, он не обмолвился, что я дочь генерального директора, хотя прекрасно об этом знает.

Я бы не хотела, чтобы про меня болтали, будто я попала сюда по блату. Конечно же, так и есть, но папа не взял бы меня на работу, если бы не верил в мои силы. Он бы просто снабжал меня деньгами, как свою жену и ее тридцатипятилетнюю дочку.

— Нет, мы однофамильцы.

Артем заметно расслабляется.

— Слава Богу.

Выгибаю бровь.

— А если бы были родственниками, то что?

— Я бы не смог так открыто с тобой общаться. Кто его знает, чего ждать от ставленников начальства.

Я смеюсь и откидываюсь на спинку стула.

— Давай честно, — официантка ставит перед нами кружки с кофе. Я делаю глоток и внимательно гляжу на Артема. — Ты невзлюбил меня, потому что я оттяпала у тебя кусок пирога.

— Не совсем. Безусловно, мне неприятно, что у меня отобрали половину функционала. Но с другой стороны, маркетинг был для меня тяжелым грузом. Я никогда не работал маркетологом до этой компании.

— А кем ты работал? — удивляюсь.

— Я пиарщик, я несколько лет проработал в коммуникациях. Маркетинг мне чужд. Но ради этой компании я пошел на второе высшее по маркетингу. Но все равно это не мое. Так что отчасти я тебе благодарен. А еще я тебе сочувствую.

— Почему? — удивляюсь.

— Потому что тебе предстоит нехило впахнуть. А еще тебе предстоит иметь дело с Ленцем. Вот тут я тебе вообще не завидую.

При упоминании фамилии Германа я инстинктивно напрягаюсь.

— Ленцем? Это вице-президент по внешней торговле, да? — прикидываюсь, будто не знаю. — А что с ним не так?

Артем брезгливо кривится.

— Он сложный и жесткий. С ним непросто поладить. Все мои идеи он отвергал, начал приводить новых маркетологов, они тоже ему не нравились. А потом появилась ты. Но ради предыдущих маркетологов мой департамент не делили, их приводили мне в подчинение. А ради тебя создали отдельный департамент маркетинга.

Я скрываю довольную улыбку за глотком капучино.

— Кто тебя привел? — внезапно спрашивает. — Скажи честно, ты от Ленца?

— Нет, — смеюсь, качая головой. Если бы Герману дали право выбирать, я была бы последним человеком, с которым он захотел работать.

— А кто? — не унимается.

— Я нашла работу по объявлению.

Теперь очередь Артема смеяться.

— А тебя кто привел? — лучшая защита — это нападение.

— Самсонов. Он был моим научным руководителем в магистратуре. Но я не сразу после маги пришел сюда работать. Я долго работал в телекоммуникационных компаниях. А потом на встрече выпускников случайно столкнулся с Самсоновым, мы разговорились, и он меня позвал. Сначала пиарщиком, а потом повысил до дирдепа.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать два.

— Выглядишь на двадцать восемь.

— А тебе, Вероника? Надеюсь, ты не из тех девушек, которые обижаются, когда их спрашивают про возраст.

Если я скажу Артему, что мне двадцать два, он точно заподозрит, что я чье-то протеже.

— Двадцать девять, — вру.

Его темные брови взметаются вверх.

— Выглядишь на двадцать.

— Поэтому ты подумал, что я здесь по блату?

— Если честно, да. Ну и твоя фамилия настораживает.

— До сегодняшнего утра я не знала, какая фамилия у местного гендира. Возможно, мы и родственники, но мне об этом неизвестно. Расскажи, в целом тебе здесь нравится?

Артем пускается рассказывать о плюсах и минусах папиной компании. Он давно здесь работает, и у него сложилось устойчивое мнение обо всех и обо всем. Я отмечаю про себя, что конкретно про папу он плохо не говорит. Возможно, потому что все же подозревает у нас родственную связь. Также Артем очень хорошо отзывается о Самсонове. Ну это понятно, он сделал карьеру благодаря ему.

— Так а что насчет этого вице-президента? Который по внешней торговле, — я хочу больше узнать о Германе.

— Ленц? — Артем делает странную гримасу. — Скажу так: он очень жесткий.

— Это ты уже говорил. В чем проявляется его жесткость?

— Не любит ошибок, не любит глупых вопросов, не терпит, когда ему перечат. Даже не вздумай спорить с ним. Я один раз рискнул и чуть работы не лишился.

— Почему? Он же не твой прямой руководитель.

— Он акционер компании. У него блокпакет. Так что Ленц второй человек здесь после Кунгурцева. Мой тебе совет — с ним осторожно. Даже если ты по благу, он тебе скидок не сделает. Наоборот: еще строже спросит.

Пока ничего нового про Германа Артем мне не сказал. Я и так знаю, что Ленц может быть жестким.

— А вот и он. — Кисло произносит Артем и стреляет глазами в бок. — Легок на помине. Я осторожно поворачиваю лицо вправо и вижу, как Герман входит в «Косту».

Глава 8. Надеюсь, сработаемся

Его взгляд останавливается на нас с Артемом. Я нервно делаю глоток капучино из кружки. Герман явно шел сюда с какой-то своей целью, но, увидев нас с Соколовым, передумал. Боковым зрением замечаю: он направляется к нам.

— Доброе утро, — Герман становится возле нашего столика.

Мы с Артемом поднимаем на него глаза.

— Доброе утро, — отвечаем одновременно.

Артем протягивает Герману руку, Ленц жмет ее.

— Поздравляю с первым рабочим днем, — в голосе Германа нет ни капли поздравительного тона. — Я смотрю, уже освоилась?

Я непроизвольно прищуриваю глаза, пытаюсь понять, что Герман имеет в виду под «уже освоилась». Что я узнала о существовании «Косты»? Или что познакомилась с Артемом?

— Я постепенно ввожу Веронику в курс дела, — поясняет Артем.

Губ Германа касается снисходительная улыбка.

— Ты сам за год так и не смог вникнуть. Не думаю, что у тебя получится помочь Веронике. — Герман говорит мягко, но в интонации отчетливо слышатся стальные нотки. Артем осекается. Не спорит. — Будь добр, оставь нас с Вероникой.

Артем нехотя встает со стула.

— Еще увидимся, — подмигивает мне.

Когда Герман садится на стул Соколова, меня охватывает легкий мандраж. Я боюсь смотреть на Ленца, поэтому провожаю взглядом Артема. Он подходит к официантке Кате, что-то говорит и достает из кармана банковскую карточку. Видимо, чтобы закрыть наш счет. Затем, судя по залиvistому смеху Кати, Артем отпускает ей несколько шуток. Пока он направляется к выходу из «Косты», Катя тоскливо глядит ему вслед.

— А ты уже клюнула на его удочку, — ироничный голос Германа заставляет меня посмотреть на него.

— Ты о чем?

— О Соколове. Если ты думаешь, что ты единственная, с кем он мило пьет кофе в «Косте», то это не так.

Хмыкаю.

— Переживаешь, что я попадусь в сети ловеласа? Не надо.

— Я вроде как чувствую ответственность за тебя.

— С чего бы это? — удивленно выгибаю бровь.

— Ты младшая сестренка Лены. Я дарил тебе куклы. А один раз даже помогал делать уроки.

Внутренности в тугой узел скручиваются. В мозгу пульсирует: «Он помнит, он помнит». Я стараюсь скрыть истинные чувства, поэтому залиvistо смеюсь.

— Ну, нас с тобой связывает кое-что еще помимо кукол и уроков.

Герман моментально меняется в лице.

— Давай не будем вспоминать? Мы же договорились: это была ошибка, которая больше никогда не должна повториться.

Герман снова больно ранит меня. Я беру в руки кружку и опускаю взгляд в остывший капучино. Секс с Леной после развода он, конечно, ошибкой не считает.

— Ты что-то хотел? — перевожу тему.

— Вообще-то я пришел сюда позавтракать, но раз уж мы здесь встретились, то можем обсудить дела. Я введу тебя в курс дела гораздо быстрее Соколова. Он за год так и не понял, что от него вообще требуется. Будь моя воля, я бы его уволил.

Без лишних церемоний Герман принимается оживленно посвящать меня в проблемы, связанные с экспортом металлопродукции. Официантка Катя несколько раз хочет подойти к нам с меню, но не решается вклиниться в монолог Ленца. Он говорит так много и так быстро, что мне приходится достать из сумки блокнот и начать записывать. По ходу дела я понимаю: все сложнее, чем я думала. В первую очередь потому что у меня нет опыта работы с металлопродукцией, я плохо знаю этот рынок. Во Франции я стажировалась в компаниях совсем другого профиля.

Герман умело жонглирует профессиональными терминами, половину из которых я плохо понимаю. Он видит, что я едва успеваю записывать за ним, но не тормозит ни на секунду. Мне уже хочется взмолиться: «Пожалуйста, говори помедленнее, я не все понимаю». Но свежи в памяти слова Артема о Ленце: он не любит ошибок, не любит глупых вопросов, не делает скидок тем, кто пришел по благу. А мне так тем более не приходится рассчитывать на благосклонность Германа. После того, что между нами было.

У меня разыгрывается профессиональный азарт. А я и не хочу получать от Германа скидки или жалость. Я хочу, чтобы он считал меня профессионалом, равным себе. Пускай убедится, что я не содержанка. Ни папина, ни чья-то еще. Как он там говорил? Женщина должна быть личностью? Я личность, и Герман в этом убедится.

— Вопросы есть? — заканчивает длинную речь.

Я быстро чиркаю ручкой в блокноте. Дописав последнее слово, поднимаю на Германа лицо.

— Мне нужен человек, к которому я могу обращаться за справочной информацией по текущим контрактам и не только. За любой справочной информацией как по компании, так и по рынку в целом.

— Тебе поможет наш аналитический департамент. Запиши телефон руководителя.

Герман диктует номер некоего Станислава Мурашова.

— У тебя есть мой номер телефона? — спрашивает.

Отчего-то этот вопрос вызывает волну дрожи по коже.

— Нет. У меня никогда не было твоего номера.

— Запиши. Звони и пиши в любое время. Я отвечаю и ночью, и по выходным.

Герман диктует свой телефон. Пока записываю цифры, дыхание предательски сбивается. И ведь понимаю, что это для дела, а все равно категорически не хочется писать и звонить Герману первой.

— Скинь мне звонок, чтобы твой номер у меня остался.

Почему от простого обмена телефонами так шарашит пульс? Как будто Герман приглашает меня на свидание и признается в любви.

Скидываю ему звонок. Он записывает меня в свою телефонную книгу.

Убирает мобильник во внутренний карман пиджака. Поднимает на меня лицо.

Несколько секунд мы просто смотрим друг другу в глаза. У меня сердце в пятки проваливается. Я вспоминаю, как Герман целовал меня. Как хотел меня.

«Сутки напролет бы не выходил из дома и только трахался с тобой», сказал он мне в нашу ночь.

Интересно, а он о чем сейчас думает? Он хоть раз вспоминал нашу близость?

— Добро пожаловать в компанию, Вероника, — первым прерывает этот магический момент. — Надеюсь, сработаемся.

Глава 9. Обед-ужин

Мой кабинет находится на седьмом этаже рядом с кабинетами других директоров департаментов и некоторых вице-президентов.

В том числе рядом с кабинетом Германа.

У меня небольшая приемная, в которой должен будет располагаться мой личный секретарь. Когда мне его найдут. Здесь же дверь в мой кабинет. Он небольшой, но зато с панорамным окном, из которого открывается приятный вид на центр Москвы. Также в кабинете есть кожаный диван и стол для переговоров. У стен пустые стеллажи для книг и документов.

Работы так много, что я не знаю, с чего начать. Перечитываю записи в блокноте, которые делала под быструю диктовку Германа. Глаза цепляются за имя директора аналитического департамента Станислава Мурашова. Да, пожалуй, начну с него. Звоню по номеру мобильного, продиктованного Ленцем, и слышу на том конце провода приятный молодой голос. Я прошу прислать мне всю аналитику и все справки по экспорту металлопродукции, какие только есть.

Через полчаса на почту приходит письмо с большим количеством вложений. От радости подпрыгиваю на стуле. Здесь все, что мне нужно. Данные по экспорту нашей компании, а также в целом по России. Куда экспортируем, в каких объемах, кто крупнейшие покупатели. Далее идет аналитика по другим странам: сколько металлопродукции закупают, у каких государств, в каких объемах. Вот теперь мне есть с чего начать работу.

За чтением аналитических справок я не замечаю, как пролетает время. Желудок больно сжимается от голода, но я упорно игнорирую его. Встаю с компьютерного кресла, только когда становится совсем невмоготу. На часах шесть часов вечера, за окном стемнело и пошел дождь. Я спускаюсь в «Косту» с намерением взять обед-ужин на вынос.

Но не тут-то было.

— Ника! — зовёт меня знакомый голос, когда я подхожу к барной стойке сделать заказ. Нехотя оборачиваюсь. Лена сидит за одним из столиков в центре зала. Подзывает меня рукой.

— Поужинаешь со мной?

Тяжело вздыхаю. Ладно. Но не больше пятнадцати минут, обещаю сама себе.

Подхожу к сводной сестре и сажусь напротив нее. Вечером в «Косте» оживленно. Свободных столов почти нет. Я оглядываюсь в поисках знакомых лиц, но никого не знаю.

— Ну как тебе первый рабочий день? — спрашивает сестра.

Я делаю заказ подошедшей к нам Кате. Когда она уходит, перевожу взгляд на Лену.

— Очень много работы. Тяжело. Я быстро перекушу и побегу дальше работать.

— Мы не поедem домой вместе? — удивляется.

— Смотря когда ты собираешься домой.

— Сейчас. Рабочий день закончился.

Я не могу удержаться от смеха.

— Нет, я сейчас точно не могу.

Лена безразлично пожимает плечами.

— Ну как знаешь. Честно, я не понимаю этого. Для чего класть свое время и свое здоровье на алтарь работы.

Я бы удивилась, если бы Лена мыслила иначе.

— А как твой первый рабочий день? — спрашиваю.

Лена делает кислую мину.

— Познакомилась с начальником отдела. Идиот какой-то. Сказал, написать три письма. Ну я написала. Он стал прикапываться к моему английскому. Мол, у меня недостаточно бога-

тый словарный запас. Я не выдержала и говорю: «Моя фамилия Ленц». А он мне: «И что?». Я говорю: «Я родственница вице-президента». А этот идиот знаешь, что мне в ответ?

— Что?

— «Меня не волнует, чья ты родственница. Найми себе репетитора по английскому».

Я прыскаю от смеха. Лена недоуменно на меня глядит.

— Смелый, однако.

— Да вообще бесстрашный. Ну ничего, завтра я скажу ему, кто мой папа, — угрожает многообещающе.

Катя ставит передо мной тарелку с клуб сэндвичем. Я набрасываюсь на еду, как будто сто лет не ела. Лена крутит в руках пустую кружку от чая.

— Ты видела сегодня Германа? — внезапно спрашивает и пристально на меня смотрит.

Глава 10. Откровения

Я не понимаю, есть ли в вопросе сводной сестры подвох. Она глядит на меня пристально и с прищуром, будто пытается прочесть мои мысли. Я не знаю, как лучше ответить. Поэтому на всякий случай говорю правду. Вдруг она видела нас утром в «Косте», а сейчас решила устроить мне проверку?

— Да, видела.

— И как он?

Лена продолжает буравить меня взглядом, словно что-то подозревает.

— В каком смысле, как он?

Я медленно жую сэндвич и понимаю, что у меня резко пропал аппетит. Раздражение к сводной сестре снова приближается к критической отметке.

— Вы разговаривали?

— Да, разговаривали. А что? Лена, я не понимаю твоих вопросов.

Я теряю терпение. Что она от меня хочет? Мне пересказать ей монолог Германа об экспорте металлопродукции?

Лена тяжело вздыхает, и ее плечи опускаются, а лицо принимает страдальческий вид.

— Я ему сегодня целый день звоню, а он не отвечает.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть.

— Ну работает, наверное.

— Раньше Герман всегда отвечал на мои звонки. А если не мог, то потом перезванивал. А сегодня он даже не перезвонил. И не только сегодня. Он давно уже не перезванивает мне.

В голосе сводной сестры появляются нотки вселенского страдания. Кажется, она готова расплакаться на глаза у всей «Косты».

— Ну слушай, вы же в разводе.

— И что? Мы расстались друзьями.

— Но это не значит, что Герман по-прежнему обязан отвечать на все твои звонки. У него может быть своя жизнь.

При словах о том, что у Германа своя жизнь, Лена так дергается, будто ее укусила ядовитая змея. Она сминает в ладони бумажную салфетку и тут же отпускает ее обратно на стол.

— Понимаешь, Ник, да, мы развелись официально. Но наш брак все равно как будто бы не завершен. У нас и сам развод был очень странным. Не было какого-то конкретного повода для расставания. Я вообще долгое время думала, что Герман какую-то ерунду выдумывает. Ну или у него начался кризис среднего возраста. Я даже психолога ему нашла, но он не захотел ходить. Я была уверена, что Герман вернется назад. Но время идет, а Герман домой не возвращается.

Так, а вот теперь становится интересно. Кажется, Лена увидела во мне подругу и решила пооткровенничать. И хотя в кабинете меня ждет море работы, не могу отказать себе в удовольствии аккуратно порасспрашивать Лену о причинах расставания. Точку зрения Германа я знаю: «В какой-то момент любовь прошла, и оказалось, что нас больше ничего не связывает». Или что-то в этом роде он сказал. Теперь я хочу узнать мнение сводной сестры.

— А вы разве развелись не из-за того, что у вас нет детей?

Лена неопределенно ведет плечами.

— Это, конечно, вносило в наш брак некоторое напряжение, но не было прям поводом для развода. Мы оба хотели ребенка и могли бы найти способ, если бы Герман не ушел.

— А почему у вас не получалось с ребенком? — продолжаю любопытничать. Чтобы Лена не заподозрила повышенный интерес с моей стороны, кусаю сэндвич.

— Мы несовместимы.

— Что? — я настолько изумлена, что задаю вопрос с набитым ртом. — Это как?

— Это когда мужчина и женщина полностью здоровы и могут иметь детей отдельно друг от друга, но не могут иметь детей вместе.

— Почему?

— У несовместимости могут быть разные причины. У нас с Германом генетическая несовместимость.

— Что это значит?

— Долго рассказывать, — Лена машет рукой. — Главное, что это не приговор. Медицина умеет бороться с этим. И у генетически несовместимых пар могут быть дети.

Лена задумчиво смотрит куда-то поверх моего плеча. Ее глаза становятся влажными. Возможно, не люби я Германа, мне бы сейчас стало жаль сводную сестру. Видно, что она мучается.

— Слушай, ну, может, раз вы с Германом несовместимы, значит, он не твоя судьба? Наверняка где-то есть другой мужчина, с которым вы генетически подойдете друг другу.

— Конечно, есть, — Лена обводит рукой полный зал «Косты». — Любой из них. Вот только другой мужчина мне не нужен.

Я накрываю ладонь сводной сестры своей рукой. Она не ожидала от меня такого жеста, поэтому слегка вздрагивает и удивленно смотрит на наши руки.

— Лен, отпусти ситуацию. Все, что твое, обязательно к тебе вернется.

И я даже говорю это от чистого сердца. Потому что в данную секунду мне действительно жаль Лену. Наверное, любить мужчину и знать, что вы генетически несовместимы — это также больно, как всю жизнь любить не взаимно.

— Ник, ты наверняка будешь видеть Германа чаще, чем я, — произносит слезно. — Если к нему какая-нибудь баба будет клеиться, расскажешь мне, а?

Глава 11. Энергетика

После ужина в «Косте» с Леной я возвращаюсь в свой кабинет и сижу за работой до глубокого вечера. За окном давно стемнело, на этаже перестали слышаться шаги и голоса других сотрудников. Думаю, уже и папа уехал. Когда время на компьютере переваливает за 23:00, я понимаю, что пора остановиться.

Для первого дня я проделала большую работу, а именно глубоко погрузилась в рынок производства металлопродукции. Папина компания изготавливает как товары для бизнеса, например, какие-то сложные металлические изделия, используемые при строительстве больших объектов, так и для потребителей — например, небольшие трубы, металлические уголки и всякое такое, что можно купить в хозяйственном магазине.

Нам нужно развиваться по обоим направлениям, но из утреннего разговора с Германом я поняла, что в данный момент больший приоритет отдается экспорту товаров для потребителей. А это значит, нам нужно нарастить свое присутствие на прилавках зарубежных торговых сетей, а также запустить рекламу товаров среди местного населения.

В каждой стране, в которую мы экспортируем свою продукцию, у нас есть местный офис. Но не в каждом из них есть маркетолог. Это немного усложняет задачу, поскольку имея местного сотрудника отдела маркетинга, было бы проще договориться с торговыми сетями.

23:20.

Ладно, на сегодня хватит.

Я выключаю компьютер, одеваюсь и выхожу в пустой темный коридор. Уже даже свет отключили. В гробовой тишине офиса стук моих каблучков звучит, как удар молотком. Приближаясь к лифту, замечаю в темноте очертание фигуры.

Мужской фигуры, которую я узнаю из тысячи.

Ох...

Когда Герман оборачивается на мои шаги, у меня происходит такой мощный выброс адреналина, как будто я лечу на американских горках вниз головой. Пульс шарашит в ушах, перекрывая стук каблучков. Ну почему я не вышла из кабинета на пять минут раньше или на пять минут позже?

Подойдя к Герману, останавливаюсь рядом с ним. Хорошо, что темнота скрывает мое растерянное состояние.

— Что-то ты припозднилась, — прерывает гнетущую тишину.

Приезжает лифт, металлические дверцы открываются. Герман пропускает меня вперед. Кабинка небольшая, узкая и с ярким светом. Ужаснее быть не может. Я прохожу внутрь, следом за мной Герман. Он становится рядом.

— Много работы, — отвечаю на его комментарий.

Двери закрываются. Мне становится совсем неудобно. В узком пространстве лифта энергетика Германа давит на меня, как тиски. Кажется, Ленц заполняет собой все помещение, его аура обволакивает меня в кокон. Голова идет кругом. Я делаю глубокий вдох и едва удерживаюсь на ногах, поскольку легкие заполняет пьянящий запах Германа.

Лифт едет катастрофически медленно. Я чувствую на себе взгляд Германа. Он выше меня на пол головы, даже когда я на каблучках. Его взор сверху вниз добивает меня еще больше. Я хочу прочесть мысли Ленца. О чем он сейчас думает? Почему не спускает с меня взгляда?

Когда двери лифта закрылись, я нажала первый этаж, а Герман минус первый. На минус первом находится парковка. Понятно, что Ленц ездит на личном автомобиле. А мне еще нужно вызвать такси.

Чтобы не терять зря времени и чем-то занять себя, я достаю из сумочки мобильник и открываю приложение для вызова такси. Но, как назло, в лифте не ловит связь.

Наконец-то первый этаж!

— Пока, — буркаю и выбегаю из кабинки, не дождавшись от него ответа.

Я быстро шагаю вперед, но выдыхаю с облегчением, только когда слышу, что двери лифта снова закрылись. На целую минуту приваливаюсь к турникету, чтобы перевести дыхание.

Чувства чувствами, но так дело не пойдет. Мне с Германом работать вместе, я должна уметь держать себя в руках. К слову, утром в «Косте» я ощущала себя гораздо лучше в его присутствии. Может, все дело в том, что там мы были не одни. А здесь ночь, темный коридор, ни души вокруг. Только Герман, его мощная энергетика, а еще его взгляд в лифте, направленный в мою сторону. Он смотрел на меня. Все то время, что мы ехали на первый этаж, Герман не сводил с меня глаз.

Наконец-то появляется связь, и я вызываю такси. Ждать семь минут. Выхожу на улицу, чтобы немного проветрить мысли. Холодный октябрьский ветер дует в лицо. То, что мне сейчас нужно, чтобы прийти в себя. Я вдыхаю влажный воздух после недавно прошедшего дождя. В ожидании такси кручу телефон в руках. Шесть минут. Есть время прослушать голосовое сообщение Лиды.

Я подношу мобильный к уху, когда ровно рядом со мной тормозит черная «Тесла». Сердце снова проваливается в пятки. Окно переднего пассажирского сиденья опускается, и я вижу за рулем Германа.

— Ты домой? Садись, я тебя отвезу.

Глава 12. Я не делаю вид

Я растерянно гляжу на Германа. Ноги приросли к тротуару.

— Садись в машину, — повторяет нетерпеливо. — Я отвезу тебя домой.

По-прежнему не двигаюсь. Он серьезно? Не думаю, что это хорошая идея.

— Спасибо, но я уже вызвала такси.

Мой голос тонет в шуме машин на оживленной дороге. Я почти уверена, что Герман меня не расслышал, но он отвечает:

— Отмени такси.

Герман говорит тоном, нетерпящим возражений. Как начальник говорит с глуповатой подчиненной, которой приходится повторять по несколько раз. Я не очень понимаю, почему он так настаивает.

— Я не думаю, что это хорошая идея.

— Вероника, садись в машину.

Звучит как приказ. Герман стоит на аварийке в месте, не предназначенном для парковки. Периодически ему сигналият недовольные водители, которым приходится его объезжать. Бросаю взгляд на экран мобильного. Четыре минуты до прибытия моего такси.

— Вероника! — срывается на крик. — Садись в машину!

Может быть, потом я буду сильно жалеть, но поддаюсь приказу. Открываю переднюю дверь его роскошной «Теслы» и ныряю внутрь. Не успеваю захлопнуть дверь, как Герман резко трогается с места.

— Я надеюсь, есть какая-то уважительная причина, почему ты так настаиваешь на том, чтобы отвезти меня домой лично, — бормочу под нос, отменяя такси.

«Водитель проехал половину пути. Мы спишем с вас плату», высвечивается на экране.

— Да, есть. В это время уже опасно ездить на такси, тем более тебе ехать далеко и в Подмосковье.

Что?

От изумления я аж поворачиваю голову к Герману. Он разозлен моим упрямством, строго смотрит перед собой в лобовое. А я словно язык проглотила — настолько меня шокировали слова Германа. Я-то думала, он хочет работу обсудить.

— У тебя нет машины? — спрашивает, не отрываясь от дороги.

— Нет, я не вожу автомобиль.

— Почему?

— Не знаю, не мое это.

— Скажи отцу, чтобы нанял тебе водителя.

— Зачем?

— Если ты собираешься так сильно задерживаться на работе, то тебе нужен водитель.

Слегка прищуриваю глаза, пытаюсь понять, что нашло на Германа. Это что, забота обо мне? Он переживает за мою жизнь?

На секунду в груди взрывается фейерверк радости. Герман переживает за меня. Это что-то из параллельной реальности. Мне стоит больших усилий вернуть себя на землю. Спокойно, Ника, не раскатывай губу. Просто Герман боится потерять годного маркетолога. Его так долго искали.

Я отворачиваюсь к боковому окну и смотрю на пролетающие мимо автомобили и огни фонарей. Мы едем в гробовой тишине, даже музыка не играет. Я второй раз в жизни сижу в «Тесле». Первый был тоже в машине Германа, когда мы познакомились в ресторане, и он повез меня к себе домой, думая, что меня зовут Ася. Но тогда я так нервничала, что не смогла по достоинству оценить поездку в крутом электромобиле.

Такое ощущение, что машина не едет, а парит. Салон — словно пятизвездочный отель. Страшно дотронуться до чего-нибудь. Герман едва касается руля двумя пальцами. Ему идет эта машина. Такая же особенная и роскошная, как он сам.

Постепенно наслаждение от поездки в крутом автомобиле сменяется неловкостью. Я не знаю, как себя вести и куда себя деть. Должны ли мы всю дорогу молчать? Учитывая поздние пробки, ехать нам около часа. Полдвенадцатого ночи Москва отнюдь не спит. Дороги битком. Но в то же время и тему для разговора я придумать не могу.

Аура Германа снова начинает давить на меня, как в лифте. Он кажется таким большим, а я такой маленькой. Мозг подкидывает воспоминания нашей ночи. Безусловно, лучшей ночи в моей жизни. Сердце больно ноет, я стискиваю зубы. Хочется, чтобы Герман что-нибудь сказал. Пускай даже по работе. Но он упорно молчит, глядя ровно перед собой. Если в лифте Герман не спускал с меня глаз, то сейчас наоборот его шея будто онемела, и он не может повернуть ее в мою сторону.

— Кхм, а эта внезапная поездка не нарушает твои планы? Может, тебе куда-то надо было по своим делам?

Все, я сдаюсь. Не могу больше находиться в этой гнетущей тишине. Она давит на меня, как бетонная плита.

— У меня не было на сегодня планов.

— Тогда надо написать мачехе, чтобы погрела ужин для тебя.

— Я не буду заходить в дом.

— То есть, ты просто отвезешь меня и поедешь к себе в Москву?

— Да.

— Зачем тебе тащиться час по пробкам туда, а потом почти столько же обратно? Еще и после тяжелого рабочего дня?

— Я же сказал: тебе опасно ездить одной в такое время.

Фыркаю.

— Не надо делать вид, будто переживаешь за меня.

— Я не делаю вид.

С подозрением гляжу на Германа боковым зрением.

— То есть, реально переживешь?

Проехав где-то километр по более-менее свободной дороге, мы снова тормозим перед потоком машин. Вздохнув, Герман поворачивает ко мне голову. Впервые за двадцать минут поездки и нахождения в одном автомобиле.

— Да. Реально переживаю. Потому что ты охуенно красива, и я знаю, что думают мужики, когда смотрят на тебя.

Сердце срывается с тросов и летит куда-то в пропасть. Герман не отворачивается сразу к лобовому, еще смотрит на меня. Смотрит до тех пор, пока не сигналист сзади. «Тесла» трогается, проезжает несколько метров, снова тормозит перед светофором. Я быстро облизываю пересохшие губы и сглатываю тугий комок в горле. Пальцы подрагивают, я сжимаю руки в кулаки. Адреналин зашкаливает, пульс барабанит в ушах. Бах-бах-бах.

Мне следует молчать. Мне следует уткнуться в окно или в телефон. Но вопреки здравому смыслу я спрашиваю:

— И что же они думают, когда смотрят на меня?

— То же самое, что думал я, когда увидел тебя в ресторане.

Глава 13. Приглашаю тебя

— Ты вчера так поздно домой вернулась. На чем ты добиралась?

Я отворачиваюсь к окну и стискиваю зубы. Когда сегодня за завтраком Лена предложила поехать на работу вместе на ее машине, у меня мелькнула мысль, что это не очень хорошая идея. Но папа уже уехал, а вызывать такси я побоялась. После вчерашних слов Германа о том, как на меня смотрят мужчины и что они при этом думают, я немного побаиваюсь оставаться наедине с незнакомцами.

Наверное, мне следует бояться оставаться наедине и с Германом. Ведь как раз его мысли на свой счет — черные и порочные — я точно знаю. Но проблема в том, что мне нравится то, КАК Герман про меня думает.

Лена тормозит перед шлагбаумом на выезде из коттеджного поселка. Он поднимается наверх, и сводная сестра трогается с места. Как только она выезжает на главную трассу до Москвы, я начинаю чувствовать на себе ее косой взгляд.

Лена задала вопрос, а я не ответила. Это вопрос с подвохом? Она видела, что меня привез Герман? В теории не могла. Окна ее комнаты выходят на сад. Когда я вошла в дом, ни в холле, ни в гостиной никого не было. Свет не горел. Могла ли Лена где-то затаиться и высматривать в окно, когда и на каком транспорте я вернусь?

Да фиг ее знает...

— На такси, на чем же еще.

Даже если Лена знает, что я вру, она не будет демонстративно уличать меня во лжи. А вот скажи я, что меня привез Герман, точно засыплет вопросами. Я не хочу вопросов о Германе. Не сейчас. Не после того, что я испытала после его слов.

Остаток пути до моего дома мы ехали молча. Но Герман перестал упорно пялиться исключительно в лобовое стекло, и на светофорах я стала чувствовать на себе его взгляды. Они были почти осязаемы. Я кожей ощущала, как он трогает меня глазами. Герман трогал мои волосы, которые под вечер я распустила из тугого пучка. Он трогал мои ноги в тонких прозрачных колготках, которые я старалась прикрыть сумкой, но тщетно. Он трогал мою шею, руки, щеки.

Я чувствовала эти прикосновения.

— Опасно в такое время ездить на такси. Не хочешь купить себе машину?

Если Лена и знает о моей лжи, то не подает виду.

— Нет.

— Почему?

— Водить машину — это не мое.

Я не смотрю на сводную сестру, но чувствую ее удивление. Она-то за рулем держится очень уверенно. А в тот единственный раз, когда я села в водительское кресло, я наехала на всевозможные ямы, а потом не заметила пешехода. К счастью, я его не сбила. Видя, что я на него стремительно надвигаюсь, он рванул вперед и успел перебежать дорогу.

Так что нет, водить машину — это не для меня. Я уж лучше как-нибудь на такси или на общественном транспорте.

Остаток пути до работы мы почти не разговариваем. Лена включает музыку и тихо подпевает знакомым песням. Я же достаю из сумки планшет и принимаюсь читать остальные материалы, присланные аналитическим департаментом. К моменту, как я захожу в свой кабинет, у меня готов план работы на сегодня.

И первым делом мне нужна помощь Германа.

Я не знаю, звонить ли ему на мобильный, или передать свой вопрос через секретаря. В итоге решаю сходить к нему ногами. Мы сидим на одном этаже, его приемная через две двери

от моей. Когда я вхожу, секретарша (которую папа хотел отдать мне) торопливо прячет под стол кружку с чаем.

— Здравствуйте, — даю ей время проглотить горячую жидкость, — Герман Сергеевич у себя?

— Еще нет. Он приходит чуть попо... — она резко замолкает и смотрит мне за спину. — А вот и Герман Сергеевич!

Я оборачиваюсь. Герман входит в приемную. Он в костюме, осеннее пальто переброшено через руку. Кивает секретарше и смотрит на меня.

— Привет, — здоровается первым.

От одного его вида — такого роскошного и шикарного — внутри все переворачивается. Возможно, однажды настанет день, когда я буду спокойно реагировать на Германа Ленца, но этот день точно не сегодня. Вспоминаю, как вез меня вчера домой, — и тело тут же горит в тех местах, в которых он касался меня глазами.

— Привет. У меня к тебе вопрос.

Говорю излишне торопливо, чтобы Герман не подумал лишнего. Например, что я хочу переманить его секретаршу. Или что вспоминаю, как вчера ехали вместе в его машине.

А я, конечно же, вспоминаю.

— Проходи ко мне в кабинет, — Герман шагает мимо меня к своей двери. Я успеваю сделать пару шагов за ним, прежде чем Герман резко останавливается и оборачивается. — Ты завтракала?

Вопрос настолько неожиданный, что я на мгновение теряюсь.

— Эм, выпила дома кофе. А что?

— Тогда приглашаю тебя в «Косту» на завтрак. Дай мне минуту. Только портфель с пальто оставляю в кабинете.

Глава 14. Вопрос

Утром в «Косте» почти никого нет. Единичные мидл-менеджеры в костюмах заходят взять на баре кофе навынос. Мы занимаем тот же столик на двоих у окна, что в прошлый раз. Герман сразу открывает меню и смотрит раздел завтраков. Если он будет есть, то мне нет смысла сидеть перед ним только с кружкой кофе. К нам подходит официантка Катя.

— Мне завтрак по-английски, — Герман продолжает смотреть в меню. — И черный американо со сливками.

Катя быстро пишет в блокноте и переводит вопросительный взгляд на меня.

— Мне рисовую кашу с ягодами и капучино.

Катя уходит, оставляя меня на растерзание Герману.

Я чувствую неловкость, но умело ее скрываю. Кажется, по факту нашего с Германом общения сильно больше, чем я изначально предполагала. Я думала, мы будем встречаться раз в неделю на каком-нибудь скучном совещании, а в итоге за два дня работы в компании Герман выбился в лидеры по общению со мной среди всех сотрудников. На втором месте Лена.

— Так вот, мой вопрос, — решаю приступить сразу к делу. — У нас ведь есть представительство в каждой стране, куда мы экспортируем товары?

— «Представительское» громко сказано. Это небольшие офисы из нескольких человек.

— Но в некоторых из них ведь есть маркетологи?

— Скорее человек, который выполняет кучу задач, среди которых есть маркетинг. Но обычно маркетинг не в приоритете.

Все еще хуже, чем я думала.

Катя ставит перед нами кружки с кофе.

— Хорошо, а можно нанять в зарубежные представительства маркетологов?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это слишком затратно.

— У нас нет денег? — выгибаю бровь. — Разве мы бедная компания?

— Мы не бедная компания, но именно потому, что умеем экономить. Если мы будем раздувать штат, то сразу станем бедной компанией.

— Пфффф, — откидываюсь на спинку стула и тру лицо ладонью.

Герман невозмутим. Он наливает в свою кружку сливки из маленького кувшинчика, размешивает чайной ложкой и делает глоток.

— А зачем тебе нужны маркетологи в зарубежных офисах? — бросает на меня быстрый взгляд.

Мне интересно, происходит ли у Германа внутри такая же буря, как у меня? Или он действительно абсолютно спокоен рядом со мной?

— Местные люди лучше знают свой внутренний рынок. Опять же — ездить по торговым сетям, встречаться с топ-менеджментом магазинов, предлагать наш товар для их прилавков. Это все проще делать тому, кто живет в той стране.

Герман качает головой.

— Компании дешевле обойдется оплатить для нас с тобой трехдневную командировку, чем постоянно содержать там отдельного маркетолога с ежемесячной зарплатой.

При упоминании о совместной командировке по позвоночнику пробегают рой мурашек. Очень вовремя появляется Катя с нашим заказом. Она ставит перед Германом большой тарелку с завтраком по-английски, а передо мной рисовую кашу, украшенную ягодами голубики и малины. Я отправляю в рот ложку каши и быстро жую. Задача — не засиживаться с Германом. Он плохо влияет на мою нервную систему.

— Хорошо, я поняла, — говорю, делая глоток кофе. — Тогда сегодня я приступаю к подготовке стратегии. Я же правильно поняла, что в приоритете для нас поставлять товары в розничные сети за рубежом?

— Да.

— А на втором месте поставка металлопродукции зарубежному бизнесу?

— Да. С зарубежным бизнесом у нас более-менее неплохо идут дела. Много иностранных заводов закупают у нас металлопродукцию для производства своих технических изделий. А вот с присутствием на прилавках строительных магазинов все плохо.

— Тогда параллельно со стратегией я подготовлю презентации о наших товарах, которые разошлю зарубежным торговым сетям. Но, боюсь, это будут письма на деревню дедушке. А вот если бы у нас там были маркетологи... — я делаю многозначительную паузу и съедаю еще одну ложку каши.

— Я дам тебе прямые контакты топ-менеджеров основных зарубежных сетей. Можешь еще и позвонить им.

— О, у тебя есть прямые контакты? — воодушевляюсь. — Это было бы отлично.

Герман кивает.

Я вдруг чувствую на себе острый взгляд со стороны. Инстинктивно поворачиваю голову и вижу в дверях «Косты» Лену. Она стоит и растерянно смотрит на нас с Германом, как будто застала нас не за рабочим завтраком, а за поцелуем или даже сексом. Увидев, что я ее заметила, Лена стремительно направляется к нам.

— Доброе утро, — растягивает лицо в улыбке. — Какая неожиданная встреча, — сарказм. — Можно к вам присоединиться?

И не спрашивая разрешения, Лена берет стул у соседнего столика и проставляет к нашему столу на двоих.

— Доброе утро, Лена, — Герман здоровается с бывшей женой, не глядя на нее. — Как тебе работа?

— Я тебе вчера сто раз звонила, почему ты не ответил?

— Я был занят.

— А почему не перезвонил?

— Не было возможности.

Кажется, я сейчас стану свидетельницей супружеских разборок. Я не очень хочу присутствовать при их выяснении отношений, поэтому быстро доедаю кашу.

— А что вы тут обсуждаете? — Лена придирчиво смотрит на меня.

— Работу, что же еще? — отвечает за меня Герман. — Вероника готовит стратегию по внешним рынкам. Тебе об этом известно.

— Ник, я хотела спросить, — Лена продолжает на меня смотреть. — Ты же в своем департаменте маркетинга сейчас одна работаешь?

Мне кажется, или ее вопрос действительно с подвохом? Как на него правильно ответить?

— Эм, ну, пока да. Но скоро ко мне переведут часть людей из департамента Соколова, плюс я буду набирать новых. А что?

Вот нутром чую, сейчас какой-то пиздец будет.

— А возьми меня к себе в департамент? У меня экономическое образование и хороший английский. Думаю, у тебя я буду больше полезна, чем в отделе корреспонденции.

Глава 15. Счастливый брак

— Нет.

Герман опережает меня с ответом. Одно слово из его уст звучит твердо, как сталь. Я не ожидала, что Герман ответит бывшей жене вместо меня. Да еще отрицательно и таким жестким тоном. Лена в шоке. Я тоже.

— Нет? — переспрашивает она у бывшего мужа. — Почему нет?

— Потому что у тебя нет компетенций в маркетинге.

— Я быстро учусь.

— Лена, нет, — Герман повторяет с нажимом.

Ух, у меня аж мандраж по телу прошел от его твердости, бескомпромиссности, категоричности. Лена потерянно моргает большими глазами. Затем от Германа поворачивает лицо ко мне. В ее взгляде отчетливо читается крик отчаяния: «Ника, помоги мне!». Но я лишь виновато улыбаюсь.

Если начальник сказал «Нет», то кто я такая, чтобы перечить?

— Герман, в отделе корреспонденции тоска и мрак. Мне там не место.

Лена предпринимает еще одну попытку.

— Узнай в отделе кадров, где еще в компании есть вакансии.

— У Вероники есть.

— Нет, Лена. Я слишком долго мучился с департаментом маркетинга, чтобы набирать туда людей без профильного опыта и образования.

— Я могу пойти учиться маркетингу.

А она упертая. И целеустремленная.

— Много разных курсов про маркетинг.

— Курсы нам не подходят, — возражает Герман. — Нам нужны люди с полноценным высшим образованием в сфере маркетинга. И со степенью магистров. Но самое главное — с опытом работы в маркетинге от трех лет.

Лена злится. Видно, она хочет наехать на Германа, но сдерживает себя. Очень интересное кино, но мне пора отсюда убираться, пока я не стала свидетельницей разборок бывших супругов. Нет, на самом мне очень интересны все подробности взаимоотношений Германа и Лены, но я не хочу навлечь на себя подозрения со стороны сводной сестры. И я не хочу быть участницей склоков.

— Ладно, мы уже все обсудили, так что я пойду. Приятного вам аппетита, — беру со стола мобильный телефон и встаю.

— Девушка, счет, пожалуйста, — кричит Герман Кате.

Он свой английский завтрак не доел и кофе тоже не допил. Неужели останется полуголодным из-за Лены?

— Увидимся, — говорю сводной сестре. Она чуть ли не плачет.

Я быстро направляюсь на выход из «Косты». По дороге к лифтам встречаю Соколова.

— Привет. Как дела?

Он, видимо, направляется в кафе.

— Привет, нормально, втягиваюсь потихоньку.

— Я только что от Самсонова. Пять моих сотрудников, которые занимались чисто маркетингом, переведут к тебе. Я думаю, в течение недели кадры проведут этот перевод.

— О, отлично! Только где они будут сидеть?

— Ты имеешь в виду рабочие места?

— Да.

У меня есть свой кабинет и пустая приемная без секретаря. А вот где должны располагаться мои будущие сотрудники, я не знаю.

— Ну, у нас же опен спейс. Я думаю, за теми же рабочими местами и останутся.

— А, тогда отлично.

Артем пробегается быстрым взглядом по моему деловому платью-футляр до колен.

— Кстати, потрясно выглядишь, — выгибает губы в хищной улыбке.

Какой же он жук.

— Спасибо. Я побегу работать.

У лифтов стоят три человека. У всех в руках стаканы кофе из «Косты». Металлические двери открываются, но в маленькой кабинке яблоку негде упасть. Эти трое с кофе втискиваются кое-как, а мне места не остается. Ладно, поеду на следующем. Когда лифт уезжает, нажимаю кнопку.

Я чувствую, как на меня надвигается что-то большое и величественное. Я поворачиваю голову, когда Герману остается до меня два шага. Несколько минут назад я сидела напротив него и вела беседу, но сейчас у меня все равно захватывает дух, а в кровь выбрасывается адреналин.

Он останавливается возле меня. Смотрит. Я перевожу взгляд ему за спину, ищу Лену, но ее нет. Тогда возвращаю взор к Герману.

— А Лена? — спрашиваю.

— Она осталась в кафе.

— А почему ты не остался с ней?

Наверное, я задала странный вопрос, потому что на красивом мужественном лице Германа мелькает тень удивления.

— Пора работать.

Мы ждем лифт. Герман стоит слева, и у меня снова появляется ощущение, что он окутывает меня своей аурой, словно кокон. Секунды тянутся мучительно медленно. Удивительно, как легкость, которая была между нами в кафе, улетучилась. Появилось гнетущее ощущение недосказанности.

Приезжает лифт. Как назло пустой! Мы заходим в кабинку, Герман нажимает кнопку нашего этажа.

— Лена сильно тебя достает? — внезапно спрашивает.

Качаю головой.

— Вообще не достает.

— Если начнет доставать, говори мне.

Удивленно гляжу на него.

— Будешь меня защищать?

У меня вырывается скептический смешок.

— Иногда Лена может быть навязчивой и переходить границы.

Вот не хочу делать отсылку к нашей ночи, а не могу удержаться.

— Извини, но я должна задать этот вопрос, иначе он и дальше будет меня мучить. Ты говорил мне, что жена — это личность. В отличие от содержанки. Это Лена личность, что ли? Серьезно?

Лифт приезжает на наш этаж. Мы выходим, но не идем в сторону своих приемных. Останавливаемся в коридоре.

— Я видел Лену иначе, чем ты. У нее много хороших качеств. Жена не обязана быть карьеристкой. Особенно если муж зарабатывает много.

— Никто не говорит о том, чтобы быть карьеристкой. Но иметь какую-то работу, какое-то занятие можно было ведь.

— Можно, но не обязательно. В браке с Леной для меня было ценнее, что она встречает меня с работы, создает в доме уют и такую атмосферу, в которую хочется возвращаться. Я каждый день после работы с радостью спешил домой. Лена была замечательной женой, и у нас был счастливый брак.

От последних слов меня пронзает такая боль, как будто тысячи иголок впились под кожу.

— Ну и что же ты тогда с ней развелся? — зло спрашиваю. Мне не удастся скрыть агрессию.

— Я тебе говорил: любовь прошла, и оказалось, что нас больше ничего не связывает.

У меня еще миллион вопросов. Первый — как любовь могла пройти, если брак был таким идеальным, а Лена такой замечательной? Но я не успеваю спросить. Герман опережает меня со своим вопросом.

— Ты сегодня снова допоздна будешь работать?

— Не знаю, как получится.

— Если удержишься, я отвезу тебя домой.

И прежде чем я успеваю удивиться, он уходит в сторону своей приемной.

Глава 16. Традиция

Это становится традицией. Очень странной традицией.

Утром мы с Германом завтракаем в «Косте», а вечером он отвозит меня домой.

За завтраком мы более раскрепощены. Дневной свет в окне — пускай и тусклый из-за ноябрьских туч — благоволит деловому настрою. Мы оживленно обсуждаем дела, я докладываю о проделанной работе, Герман высказывает свое мнение. Может похвалить, может немножко покритиковать. Дает идеи, подсказки. В кафе постоянно кто-то входит и выходит, в нашу с Германом сторону никто не смотрит. Рабочий завтрак вице-президента и директора по маркетингу не вызывает ни у кого подозрений.

К счастью, Лена больше не приходит в «Косту» по утрам. Дома я слышала, что она наняла репетитора по английскому и занимается с ним прямо в офисе весь первый утренний час. Начальник разрешил ей. Это нужно для работы. Так что больше она не ловит нас с Германом в кафе.

А вот поздним вечером, когда Герман отвозит меня домой, мы оба словно скованы тисками. Ночь, тесный салон автомобиля и только мы двое. Мы даже не пытаемся говорить о работе, потому что оба понимаем: ничего не выйдет. Насколько легко мы общаемся утром за завтраком, настолько тяжело нам друг с другом в двенадцать ночи, когда Герман везет меня в Подмоскowie.

Это странные поездки. Наверное, мне следует уходить с работы в шесть часов, только чтобы избежать поездок с Германом. Я не знаю, с чего вдруг он решил поработать моим персональным извозчиком. Просто в районе девяти вечера он пишет мне сообщение на телефон:

«Скажи, когда будешь сегодня заканчивать. Я тебя отвезу».

И я говорю. В десять, в пол-одиннадцатого, в одиннадцать пишу ему:

«Я на сегодня все».

И Герман отвечает:

«Жду тебя на парковке через десять минут».

Иногда мы встречаемся у лифтов и едем на парковку вместе. А иногда я спускаюсь на минус первый этаж и направляюсь к одиноко стоящей черной «Тесле», за рулем которой Герман уже ждет меня. И после тяжелого трудового дня он еще целый час везет меня в Подмоскowie, а потом столько же возвращается назад в Москву.

У меня нет ответа на вопрос, зачем ему это.

По моей просьбе Герман не довозит меня до дома, а высаживает за несколько коттеджей до нашего. Но пока я иду по хорошо освещенной улице, его машина стоит у меня за спиной и дополнительно светит фарами. Тяжелый взгляд Германа давит на затылок и лопатки. Я кожей чувствую, как он внимательно смотрит мне в спину. И только когда я скрываюсь за воротами дома, «Тесла» уезжает.

Когда я прихожу домой, обычно свет горит только за закрытыми дверями комнат. Папина полоска света, как правило, под дубовой дверью кабинета на первом этаже. У мачехи и Лены в их комнатах. Никто не выходит меня встречать, и это невероятно радует. Мне не хочется отвечать на вопрос, как я добираться в столь позднее время. Конечно, у меня заготовлена и отрепетирована ложь, что на такси. Но вот что отвечать, если внезапно спросят, почему такси никогда не подъезжает прямо к дому, я не могу придумать.

Каждая такая поездка с Германом проходится по мне дорожным катком и превращает нервы в оголенные провода. Весь путь до дома мы молчим, и наше молчание громче крика. По крайней мере у меня точно рвутся барабанные перепонки. Что происходит внутри у Германа, я понятия не имею. Внешне он спокоен и непоколебим как скала. Сосредоточен на дороге. Пропускает всех пешеходов. Останавливается на каждом светофоре.

Периодически на меня волнами накатывает желание отстегнуть ремень безопасности, повернуть на себя лицо Германа и поцеловать. Это желание быстро сменяется другим — так же отстегнуть ремень безопасности, но уже не для того, чтобы наброситься на Ленца, а открыть дверь автомобиля и убежать подальше.

А утром как ни в чем не бывало мы завтракаем в «Косте» и говорим о текущих делах. Как будто не ехали вчера целый час в звенящей от напряжения тишине. Как будто не дышали в тесном салоне одним воздухом, накаленным до предела. При этом с каждым днем недосказанность между нами накапливается, накапливается.

С ужасом жду того дня, когда произойдет взрыв.

Глава 17. День сурка

Герман

Какой-то сплошной нескончаемый ебучий день сурка.

Совещания, переговоры, контракты, срыв контрактов... Где-то во всем этом мраке ровно дважды загорается свет. Первый раз — утром за завтраком с Вероникой. Второй раз — поздним вечером, когда везу ее домой.

Я сам себе объяснить не могу, какого хуя сделался ее извозчиком. Но кажется неправильным, если молодая девушка будет возвращаться домой одна поздно. А мне вроде как не сложно ее отвезти. К тому же она мне не чужая: младшая сестра бывшей жены, дочка моего босса.

Блядь, я трахал ее в рот и кончал...

Самое ужасное, что по прошествии времени я об этом не жалею. Ну, то есть, конечно, плохо и неправильно, что я лишил Веронику девственности, занимался с ней сексом, но... я не жалею. Вот такой я мудака.

Поздно вечером в пятницу я, как обычно, отвожу Веронику домой. В гробовой гнетущей тишине салона моей машины. Это стало традицией. Запах ее духов наполняет пространство, и я, как наркоман, дышу им всю дорогу, ловя флешбэки. Я даже не пытаюсь завязать разговор, хотя вижу неловкость Ники. Она каждый раз нервно ерзает на сиденье. Ищет тему для разговора, но не находит.

Мы могли бы обсудить работу. Но я не хочу портить наши поездки работой. Ночь — слишком интимное для этого время. Ника в полуметре от меня, шумно дышит, неловко покашливает, вертит головой от бокового окна к лобовому и обратно. Достает телефон, печатает сообщение, убирает его обратно в сумку.

Кому она пишет?

Этот вопрос колет в самое сердце.

В Веронике чувствуется полное отсутствие опыта отношений с мужчиной. Другая, более опытная девушка, на ее месте бы так не нервничала. Она бы флиртовала со мной, кокетничала. А Ника же испуганно вжимается в кресло. Глядя на поведение Вероники, я склонен поверить, что она отдалась первому встречному, чтобы «избавиться от тяжелого бремени девственности в двадцать два года». Кажется, как-то так она мне сказала, когда я прижал ее к стенке в день встречи в доме ее отца.

У меня только один вопрос — как такая сногшибательная девушка могла быть девственницей? Куда смотрели все пацаны в ее универе?

Улыбнувшись напоследок, Вероника прощается со мной и выходит из автомобиля. По ее просьбе я не довожу ее до ворот дома, а останавливаюсь на несколько домов раньше. Я согласен с Никой, что никому не следует видеть нас вместе. Пока она идет к дому, я свечу ей в спину фарами.

Кашемировое пальто благородного бежевого цвета идеально обрамляет тонкую фигуру. Длинные светлые волосы разбросаны по спине. Ника идет уверенно, не оглядываясь. А мне кажется, я слышу, как громко тарахтит ее сердце. Мое тарахтит так же. Я откидываюсь затылком на подголовник и продолжаю смотреть на удаляющуюся фигуру Ники. Член ломит так сильно, что выть хочется. Всю дорогу от работы до дома мой член пульсирует и ноет. И так каждый гребанный день. Хорошо хоть пальто его прикрывает.

Тем больше у меня недоумения, на хуя я себя так мучаю и каждый день вожу Нику домой. Чтобы что? Чтобы мой член стоял на нее колом? Чтобы яйца взрывались от напряжения?

У меня нет ответа на вопрос, почему я такой мазохист.

А может, я просто хочу контролировать жизнь Вероники? Ну же, Герман, признайся себе. Ты хочешь отвезти Веронику домой, чтобы это не делал кто-то другой вместо тебя. Чтобы

точно знать, что Вероника направляется в свою теплую кроватку в ядово-розовой комнате, а не на член другого мужика.

У нее не было никого после меня?

Хочется, чтобы не было.

До одури хочется, чтобы не было.

Вероника скрывается за воротами дома, так и не посмотрев в мою сторону. Я разворачиваюсь и еду обратно. Гоню в два раза быстрее. Когда везу с работы Веронику, сильно не спешу, хотя мог бы. Мне хочется, чтобы она дольше оставалась рядом. А сейчас я гоню, превышая допустимый скоростной режим. И так опоздал.

В бар к друзьям я приезжаю на два часа позже, чем мы договаривались встретиться.

— Ты пьешь штрафной! — сразу тычет в меня пальцем Севастьян.

Плюхаюсь на кожаный диван перед столом, усыпанным стаканами с алкоголем и закусками. Марк, мой второй приятель, сидит в обнимку с девушкой. Молодой двадцатилетней брюнеткой.

Это точно не его жена.

— Герман, познакомься, это Эвелина, — представляет мне спутницу. — Хотя вы уже знакомы. Помнишь Эвелину?

Как ни странно помню. Она была в числе девушек, севших за наш столик в тот вечер, когда я встретил Веронику, представившуюся мне Асей.

Не знал, что Марк тогда нашел себе любовницу.

Любовницу — потому что жена у него уже есть.

Перевожу взгляд на руку, которой Марк обнимает Эвелину. Золотое обручальное кольцо блестит, как новое. Я был на свадьбе Марка и Анжелы кучу лет назад и помню, как Анж надевала его на палец моего друга. Значит, Эвелине известно семейное положение Марка. И, очевидно, ничуть ее не смущает.

— Помню, — одариваю брюнетку улыбкой.

Что в башке у девчонки, которая крутит роман с женатым мужиком вдвое старше? Она хоть понимает, что он никогда не разведется? У Марка и Анжелы нет детей, но их союз крепче, чем у пар с тремя детьми.

Я переглядываюсь с Севастьяном. Очевидно, он думает о том же, о чем и я.

Марк наливает мне виски в стакан.

— Опоздавшие пьют штрафной.

— Я за рулем.

— Я оплачу тебе такси до дома, — иронично.

Смотрю на прозрачный стакан с янтарной жидкостью. Пожалуй, мне действительно следует выпить и немного расслабиться. Залпом осушаю виски. Крепкий алкоголь горячим комком проваливается по пищеводу в желудок и через секунду бьет в голову. Откидываюсь на спинку дивана. То, что мне нужно.

Эвелина уводит Марка танцевать. Мы остаемся с Севой. Указываю ему глазами на сладкую парочку.

— Что думаешь?

Сева посмеивается.

— Похоже на бунт богатенькой папиной дочки.

Еще раз смотрю на Эвелину. Да, пожалуй, она не похожа на содержанку. Те смотрят на мужиков голодными глазами. Даже находясь со своим спонсором, оценивающе разглядывают других мужчин, в том числе друзей спонсора. Эвелина смотрела на меня и на Севу безразлично. Мы ей неинтересны, даже если мы богаче Марка. Она не ищет запасной аэродром на случай разрыва с моим другом. Так что я склонен поверить, что она просто развлекается с

Марком. Перевожу взгляд на сумочку Эвелины, брошенную на диване. Прада. Может, Марк уже успел подарить. А может, и ее. В любом случае видно, что девчонка при бабле.

— Как бы Маркуша не нарвался потом на злого папашу, — тоже смеюсь.

— Ага, я его предупреждал. А то зубов не досчитается.

— А он что?

— Сказал, его не ебет, кто у нее отец.

Это в стиле Марка.

— А ты чего один сидишь? — смеряю Севу взглядом. — Дай угадаю: операция по возвращению бывшей жены продолжается? И как успехи?

— Отъебись, — Сева запивает свой ответ глотком виски.

Очень емкий ответ. За ним скрывается: «Бывшая жена ненавидит меня, сына дает через силу, продолжает встречаться с каким-то ебланом».

Я сижу с друзьями в баре почти до трех ночи. Марк и Эвелина уезжают первыми. Затем Сева. Я знакомлюсь с какой-то шатенкой и задерживаюсь с ней примерно на час. Потом предлагаю ей поехать со мной, и она соглашается.

Она опускается на колени и начинает делать мне минет сразу, как только мы входим в мою квартиру. Я даже свет включить не успеваю. Приваливаюсь спиной к стене и прикрываю глаза. Без света лучше. Я могу представлять у своего паха другую девушку. Шатенка — не запомнил ее имени — расстегивает ремень на брюках, спускает их вместе с боксерами и сразу берет член в рот.

С первой секунды не получается представлять на ее месте Веронику. У шатенки другие губы, другой язык. Она делает минет слишком профессионально. В отличие от Ники, в действиях которой чувствовалось отсутствие опыта. Но мой член все равно встает. Потому что, блядь, он уже измучился без нормальной разрядки. Я возбуждаюсь от одного взгляда на Веронику, с шеи до ног закрытую в деловой костюм. А сбросить напряжение не могу.

Шатенка лижет, сосет, дробит. Старается. Не знаю, сколько времени проходит. По ощущениям много. Возможно, мой пьяный мозг потерялся во времени. Член стоит колом, но разрядки не предвидится. Еще через сколько-то времени шатенка нетерпеливо спрашивает:

— Ну ты скоро?

Разлепляю веки и смотрю на девушку сверху вниз. В темноте прихожей блестят ее глаза. Она держит во рту мой член, заглатывает его глубоко до горла. Потом выпускает, проводит языком по стволу.

Я не могу с ней кончить. Не то. Не тот рот, не те губы.

Не та, блядь, девушка.

Охуеть. Приплыл.

— Поднимайся, — рывком ставлю ее на ноги. — Я вызову тебе такси.

В темноте лицо незнакомки загорается возмущением.

— Ты охуел!? Я зря, что ли, тащишься к тебе!?

Застегиваю брюки, достаю из заднего кармана бумажник и сую ей в руки все пятитысячные купюры, что там есть.

— В качестве моральной компенсации.

— Импотент, — бросает обиженно, убирая деньги в сумочку.

— Какой у тебя адрес?

Называет улицу и номер дома.

— Такси приедет через три минуты. Желтая «Камри» с номером 786, — открываю входную дверь. — Всего доброго.

Проводив шатенку, плетусь в ванную. Долго стою под холодной водой, рискуя заболеть. Но только так можно уgomонить взбесившийся член, упорно желающий только одну девушку.

Всю субботу я сплю. Все воскресенье работаю. Смотрю черновик стратегии, подготовленной Вероникой. Она умна. Талантлива. Она молодец.

Убийственное сочетание красоты, ума и сексуальности.

Я снова хочу ее. Представляю, как прямо сейчас Ника сидит верхом на мне и плавно двигает бедрами.

Я кончаю в штаны. Даже не притронувшись к члену. От одной только фантазии о Веронике. Как соплjak, впервые увидевший порно.

Пиздец.

Утро понедельника начинается не с завтрака с Никой, а с совещания с ее отцом. Кунгурцев злой, как черт, раздает всем пиздюлей и курит без остановки. Я в шоке, как он до сих пор не накурил себе рак легких. У всех вице-президентов, даже курящих, есть негласное соревнование: на совещаниях с Кунгурцевым занимать места, как можно дальше от него. Некоторые реально за сорок минут приезжают, чтобы сесть в конце стола подальше от его ядовитого табачного дыма. Мне сегодня не повезло. Я приехал последним и сижу рядом с Кунгурцевым, по правую руку от него.

— Можете идти, — завершает планерку. — Герман, задержись.

Я встаю с кресла и жду, когда выйдут остальные вице-президенты. Кунгурцев тушит сигарету в полной пепельнице и тоже встает.

— Слушаю, Валерий Валерьевич. — Мне хочется поскорее выбраться на свежий воздух.

— Я запросил у охраны коттеджного поселка записи с камер видеонаблюдения.

Я недоуменно гляжу на Кунгурцева, не сразу понимая, о чем он. Я думал, он мне что-то по работе сказать хочет.

— Ника каждый день поздно возвращается, мне было интересно, кто ее возит, — поясняет. А я чувствую, как ноги свинцом наливаются. — Чутье меня не подвело. Нику каждый день возишь ты.

Молчу. Если честно, не знаю, что сказать. Я почему-то чувствую себя шестнадцатилетним пацаном, который стоит перед злым отцом понравившейся девушки.

— Гера, у меня нет к тебе претензий как специалисту. Но с бабами ты полный мудак. Ты одной моей дочке жизнь испортил. Теперь второй хочешь испортить?

Кунгурцев замолкает и смотрит на меня. Он ждет ответа? Или это риторический вопрос? Я молчу, поэтому Кунгурцев продолжает:

— Если ты засунешь в Нику свой хуй, я тебе его отрежу вместе с яйцами. Понял меня?

Я бы кивнул, но у меня шея задеревенела. Не дождавшись от меня реакции, Кунгурцев уходит. У двери переговоров оборачивается:

— Я предупредил тебя, Гера. Держи свой хуй в штанах, если не хочешь остаться без него.

Глава 18. Корпоратив

Вероника

— Ника, на чем ты едешь в офис и обратно?

Спустя почти месяц моей работы в папиной компании, он внезапно решил поинтересоваться, на каком транспорте я езжу. Очнулся, блин. Но все равно его вопрос настолько неожиданный, что я на мгновение теряюсь.

— На такси, — выпаливаю.

Это полужошь. На такси я езжу только утром. По вечерам меня возит Герман.

— Так я и думал. Я купил тебе машину и нанял водителя. Уже сегодня он отвезет тебя домой. Черный «Мерседес», водителя зовут Владимир. Запиши его номер, только не звони ему, а пиши сообщения. Он глухонемой. Он будет работать с понедельника по пятницу.

Папа диктует цифры. А я в таком шоке, что даже телефон из кармана пиджака не достаю. Сегодня понедельник, у отца десять минут назад закончилось совещание с вице-президентами. Он вернулся к себе в кабинет и сразу вызвал меня.

— Папа, но мне не нужен водитель, — слабо протестую. — Тем более глухонемой.

Отец закуривает сигарету и сканирует меня взглядом, как аппарат рентгена. Мне становится не по себе.

— Ника, не спорь со мной. Это для твоего же блага.

Последние слова задевают меня за живое. Я не припомню, чтобы папа когда-то сильно беспокоился о моем благе. Я десять лет жила с бабушкой. Отец безлимитно давал нам деньги, раз в месяц навещал меня, но это было скорее выполнением долга с его стороны. Мы духовно не близки, как часто бывают близки дети со своими родителями.

А теперь он для моего блага нанимает мне водителя, о котором я не просила. Зачем-то глухонемого.

— Пап, мне не десять лет.

— Вероника, запиши номер водителя и иди работать. Не раздражай меня еще больше.

— А почему он глухонемой?

— Родился таким.

— Я спрошу по-другому: зачем мне глухонемой водитель?

— А, ты об этом. Чтобы не подслушивал рабочие разговоры и не продавал информацию конкурентам. А теперь, Вероника, запиши его номер.

Что-то в приказном тоне отца заставляет меня подчиниться. Я достаю из кармана телефон и записываю цифры. После этого разворачиваюсь и ухожу, хлопнув дверью громче, чем следовало.

В своем кабинете я порываюсь написать Герману. Но что я ему скажу? Пожалуюсь на папу? Как будто возить меня домой — это обязанность Ленца. Вообще-то он и сам говорил, что мне нужен водитель. А что если это он надоемил папу?

И вообще, мы будем завтракать? Уже половина одиннадцатого.

Герман словно читает мои мысли через разделяющие нас стены этажа.

«Привет. Жду тебя в «Косте» через десять минут».

Я прихожу раньше и сажусь за наш столик. Да, у нас уже есть свой столик. Герман появляется через несколько минут. Деловой и строгий. Сходу начинает про черновик моей стратегии. Я записываю его замечания, отвечаю на вопросы, спорю по нескольким моментам. Но мыслями я не здесь.

Мне до ужаса страшно потерять вечерние поездки с Германом. Эти неуютные поездки, когда мы оба молчим и тонем в собственных мыслях. Когда думаем об одном и том же, но не озвучиваем вслух.

— Постарайся переделать до среды, — заканчивает речь.

— Хорошо.

И смотрю на него. Я не притронулась к своему завтраку. Герман к своему тоже. Только сделал несколько глотков черного кофе. Сегодня он попросил без сливок. А я и кофе выпить не могу. Ничего не лезет.

— Что-то еще? — спрашивает меня.

— Папа купил мне машину и нанял водителя. Сказал мне об этом после вашей утренней планерки.

Я замолкаю, ожидая реакции Германа. Я хочу увидеть на его лице протест и возмущение. В крайнем случае тоску или грусть.

Но на его лице нет ничего. Вообще ничего.

— Это правильно. Давно пора было.

Всего две фразы — и мое сердце со звоном разбивается. Легкие стягивает спазмом — вдохнуть больно. Герман смотрит на меня прямо и серьезно. В его глазах ни капли сожаления.

Он рад такому раскладу? Его задолбало меня возить? Ну так мог сказать бы. И вообще, я не навязывалась. Он сам предложил. А выходит, его это тяготило.

— Да, — выдавливаю из себя, не подавая вида, как мне больно. — Мне и самой было неудобно тебя напрягать. Но ты зачем-то сам каждый раз проявлял инициативу.

— Ты мне не чужая. Я переживал, как ты добиралась до дома. Лена на своей машине ездит, а у тебя же нет машины.

Боже, я хочу расхохотаться в голос. «Ты мне не чужая». Еще бы сказал, что мы родственники. И Лену свою зачем-то приплел. А если бы у нее не было машины, тоже бы ее возил?

— Ладно, хорошо, я пойду работать. Увидимся.

Вымучиваю из себя прощальную улыбку и убегаю поскорее из кафе. Ну как убегаю. Спокойно иду к дверям с гордо поднятой головой, как будто мне не больно. А как только выхожу в коридор, сразу срываюсь на бег. Мне нужно поскорее остаться одной.

В своем кабинете падаю в кресло и несколько минут пялюсь в одну точку. Тело пробила дрожь. Почему я ощущаю себя так, будто Герман меня предал?

Мне требуется полчаса, чтобы убедить себя: все к лучшему. Для чего эти поездки с Германом? Ну вот для чего? Только еще сильнее себя мучить и строить иллюзии насчет того, что между нами что-то возможно.

Герман, вероятно, нашел себе настоящую содержанку, живет и не парится. Я никогда не была ему нужна.

Мы сводим наши контакты к минимуму. Даже завтраки в «Косте» перестают быть ежедневными. Теперь они проходят два раза в неделю. Этого достаточно, чтобы обсудить дела. К слову, стратегия почти готова. Остались последние штрихи, и можно будет представить ее папе. На этом наши с Германом пути разойдутся. Так-то работу маркетинга курирует не Ленц, а другой вице-президент.

Близится день рождения папиной компании. Не просто день рождения, а юбилей — двадцать лет. Папа очень любит этот день. Сколько помню, он всегда отмечал дома. Сначала с мамой, потом с мачехой. Но двадцать лет — круглая дата, поэтому будет большой корпоратив. Плюс не за горами Новый год, так что сделают одно торжество для двух праздников.

Корпоратив организует специально нанятое ивент-агентство. Мероприятие состоится вечером в субботу, приглашены все сотрудники компании. Я знаю, как для папы важен этот день, поэтому собираюсь на корпоратив, хотя не очень хочется. Последние десять дней были морально тяжелыми. Я презентовала отцу маркетинговую стратегию по работе на внешних рынках, и...

Она ему не понравилась.

Не то чтобы полностью, но многое он раскритиковал и велел переделать. При том, что до этого проект стратегии утвердили Герман и мой непосредственный руководитель Самсонов. А папа встал в позу. То не так, это не эдак. Переделать.

Я-то надеялась побыстрее отделаться от стратегии, чтобы свести к минимуму общение с Германом. Но, видимо, нам еще предстоит какое-то количество совместных завтраков в «Косте».

На корпоратив я еду со своим водителем. Он реально глухонемой. В прямом смысле. К слову, это удобно. Никто не отвлекает меня по дороге разговорами.

Корпоратив проходит в модном лофте. Арендован огромный зал вместительностью несколько сотен человек. Большие круглые столы с белыми скатертями, когда я приезжаю, уже сервированы напитками и закусками. Я должна сидеть за столом номер один — с папой, мачехой, Леной, Германом и парой других ключевых сотрудников.

Я не сажусь с ними, а занимаю место за столом номер десять. Этот стол для моих новых сотрудников. У меня не было времени близко с ними познакомиться, поэтому я решаю использовать для знакомства корпоратив. Ко мне перевели трех человек из департамента Соколова, еще троих нашел отдел кадров. Когда я прихожу к ребятам, они уже здесь. Музыка пока играет не очень громко, поэтому мы общаемся.

Герман появляется за пять минут до начала. Я сразу замечаю его, когда он входит в зал. В идеальном костюме с иголки, с зачесанными назад волосами. Как с обложки мужского журнала. Внимательно смотрит по сторонам, как будто кого-то ищет. Задерживает взгляд на первом столе у сцены, за которым сидят папа, мачеха, Лена и другие ключевые люди. Вообще-то там на стуле висит табличка с его именем. Да и в приглашении Германа должно было быть указано конкретное место.

Он смотрит дальше, пока не находит глазами меня. Это настолько неожиданно, что меня моментально бросает в жар, хотя в помещении работает вентиляция. Открытая спина покрывается испариной. Я спешно отворачиваю голову к своей сотруднице, делая вид, что принимаю участие в разговоре. Боковым зрением замечаю, как Герман направляется к столу. Но не к первому, где сидит моя семья, а к соседнему, девятому, за которым располагается департамент внешней торговли. Это департамент Германа.

Ленц здоровается со своими подчиненными и садится на свободный стул. За каждым столом стульев больше, чем реально будет занято. Не все сотрудники смогли прийти на корпоратив в субботу.

Гаснет свет, на сцену выходит ведущий — известный на всю страну комик. Он произносит несколько шуток и приглашает моего папу. Отец поднимается на сцену и берет микрофон. Прочищает горло и начинает речь.

Папа говорит долго. Повторяет все то, что я и так знаю. Почему-то меня не цепляет его трогательная речь. Да и в целом не могу сказать, что чувствую себя частью этого большого праздника. Возможно, потому что в тайне я всегда ненавидела папину компанию. По иронии — в ней я сейчас работаю.

В детстве мне казалось, что отец любит компанию больше, чем меня. Я воспринимала папин бизнес как конкурента за его любовь. В подростковом возрасте мне продолжало казаться, что компания для папы важнее меня. Думаю ли я так сейчас? Не знаю. Наверное, нет. Но компанию все равно не люблю, хоть и согласилась в ней работать.

После папиной речи начинается шоу. На сцену выходит известная группа. Наш стол далеко от сцены и колонок, поэтому мы имеем возможность разговаривать. Я стараюсь поддерживать оживленную беседу со своими сотрудниками, пью шампанское, чтобы не отставать от них, говорю тост.

Я стараюсь не смотреть на Германа, но меня не покидает ощущение, что как раз он не сводит с меня глаз. И это мешает. Создает дискомфорт. Его взгляд щекочет мой профиль.

Я сделала красивую высокую прическу и надела красное платье с открытой спиной. Я кожей чувствую, как Герман трогает меня глазами. Она в этих местах горит.

Проходит, наверное, час прежде, чем я решаюсь тоже повернуть к Герману голову. Наши взгляды моментально встречаются. В полумраке зала его глаза кажутся совсем черными. А еще я замечаю в них знакомый блеск.

Они блестят пороком и похотью. Как в ту ночь, у него дома.

Мне становится страшно. Я отворачиваюсь к своим ребятам, беру в руку бокал с шампанским и делаю быстрые глотки. Игристый напиток приятно холодит горло, но не утоляет внезапно появившуюся жажду. Следом выпиваю еще один бокал. Почти залпом. Это становится чересчур. Теперь голова идет кругом, зал вертится. Я смотрю по сторонам, а везде вижу только Германа с черными от порока и похоти глазами.

— Я скоро вернусь, — объявляю своим ребятам и встаю из-за стола.

Мне нужно выбраться отсюда, пока я не свалилась в обморок. Ноги стали ватными, каждый шаг дается с трудом. Еще дурацкие шпильки. Я кое-как добираюсь до выхода из зала. За дверью делаю глубокий вдох. Направо по коридору будет выход на улицу, но там толпится курящая компания во главе с моим отцом. Налево не знаю, что. Решаю пойти туда.

Иду, держась рукой за стену. Меня штырит так, будто вместо шампанского что-то выкурила. Коридор заканчивается, начинается лестница на второй этаж. Там темно и холодно. Кожа уже покрылась противными мурашками. Но мне нужно остудиться, поэтому осторожно поднимаюсь вверх по ступенькам.

Здесь еще один зал. Такой же лофт, только меньше. Стоят столы и стулья. Свет бьет только из фонарей за окном. Я приваливаюсь спиной к стене, прикрываю глаза и жду.

«Если Герман пойдет за мной, значит, однажды мы будем вместе», мысленно загадываю, как в детстве. Лет до шестнадцати я часто так делала.

Если женщина в красной куртке остановится на светофоре, значит, мы с Германом будем вместе.

Если воробей перелетит с этой ветки на другую, значит, мы с Германом будем вместе.

Если сборная Испании по футболу выиграет Чемпионат мира, значит, мы с Германом будем вместе.

Половина не сбывалась, конечно. Я жутко расстраивалась и плакала.

«Если Герман пойдет за мной, значит, однажды мы будем вместе», повторяю.

По лестнице слышатся шаги. Я испуганно распахиваю глаза. Сердце барабанит в ушах. Герман пришел.

Глава 19. Ревнует

Герман вырастает на втором этаже и кажется величественным, как скала. Я на каблуках, но все равно смотрю на него снизу вверх, пока он медленно ко мне приближается. Чем меньше между нами расстояние, тем сильнее я вжимаюсь в стену из красного потертого кирпича. Она царапает мою открытую спину, но я вообще ничего сейчас не чувствую, кроме пронизывающей меня дрожи.

— Ты в порядке? — спрашивает, остановившись вплотную и оперевшись одной рукой о кирпич возле моей головы. Если он и вторую так же поставит, то я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.